

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

Специальность 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности
(специализация Уголовно-правовая, профиль образовательной программы –
Предварительное следствие в органах внутренних дел),
очная форма обучения, набор 2021 года

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по теме:

Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального
принуждения

Выполнил:

Слушатель учебной группы НБ 2101
младший лейтенант полиции
Давидовская Лидия Александровна

Руководитель:

Доцент кафедры уголовного процесса
Овсянников Юрий Васильевич

Дата защиты:

« 21 » июня 2026 г.

Оценка: отлично

Председатель ГЭК

Александр Константинович
(специальное звание)

[подпись]
(подпись)

В.В. Знак
(инициалы, фамилия)

Красноярск 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	7
1.1 Исторический аспект задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения	7
1.2 Место и роль процессуального принуждения в деятельности полиции	13
1.3 Сущность задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения	20
1.4 Роль и место уголовно-процессуального задержания в системе государственных мер принуждения	25
ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	32
2.1 Основания задержания лица по подозрению в совершении преступления	32
2.2 Порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления	39
2.3 Сроки, применяемые при задержании лица по подозрению в совершении преступления	46
2.4 Проблемы и вопросы применения сотрудниками органов внутренних дел задержания подозреваемого	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	66

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Конституционный строй Российской Федерации базируется на принципах демократического правления, в рамках которого человек, его права и свободы провозглашаются в качестве высшей ценности. Из данного положения вытекает императивная обязанность государства по признанию, соблюдению и всесторонней защите прав и свобод человека и гражданина. В контексте уголовного судопроизводства применение такой меры процессуального принуждения, как задержание лица по подозрению в совершении преступления, должно неукоснительно сопровождаться соблюдением фундаментальных конституционных гарантий, направленных на охрану прав и законных интересов граждан¹.

Решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством невозможно без применения процессуальных мер принуждения. В связи с этим законодатель предусмотрел решения и действия, которые создают условия для осуществления эффективного производства предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела по существу. Самостоятельное место в их числе занимает задержание подозреваемого. Данная мера принуждения имела место в советском уголовном процессе и закреплена на сегодняшний день в главе 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ). Указанные обстоятельства свидетельствуют о востребованности этой меры в правоприменительной деятельности.

В отличие от других принудительных мер, имеющих место в уголовном судопроизводстве, задержание подозреваемого обладает высоким уровнем воздействия на личность, так как лишает ее права передвижения. В связи с этим происходит существенное ограничение прав и законных

¹ Мазюк Р.В. Задержание подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве (конспект лекции по уголовному процессу) // Академический юридический журнал. 2025. № 4 (102). С. 765.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

интересов личности, подвергнутых такому принуждению. Необоснованное, незаконное задержание лица по подозрению в совершении преступления создает правовые условия для реабилитации лица, права которого подверглись нарушению. Указанное обстоятельство требует взвешенного подхода при принятии решения о задержании подозреваемого.

Особенность данной меры заключается в том, что она не имеет одномоментный характер, а включает в себя комплекс правоотношений, в который вовлекаются различные субъекты уголовного судопроизводства. Права каждого из них должны быть гарантированы лицом, осуществляющим расследование. В этой связи существует потребность проанализировать данные правоотношения, предложить рекомендации по совершенствованию законодательства в части обнаруженных пробелов.

Достаточно интересным является оценка нормативного регулирования складывающейся практики и научных воззрений в части определения момента фактического задержания лица, заподозренного в совершении преступления. Отсутствуют однозначные позиции, касающиеся тех целей, которые следует ставить перед собой правоприменителю в процессе рассмотрения вопроса о задержании лица по подозрению в совершении преступления. В юридической литературе отсутствуют устоявшиеся мнения в части обязательного применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Следует дать ответ о возможности реализации других мер пресечения, помимо заключения под стражу по истечению срока задержания лица.

Ключевым моментом в применении рассматриваемой меры принуждения выступают основания и условия задержания подозреваемого. Сложность в определении оснований обусловлена использованием сведений, имеющих доказательственное значение. Законодатель лишь описывает сами обстоятельства, подлежащие применению в качестве оснований задержания. Вместе с тем, оценка достаточности сведений для задержания лица по подозрению в совершении преступления отводится на усмотрение

правоприменителя. В этой связи важно обратить внимание на ситуации, в которых такая оценка осуществляется. Поэтому рассмотрение уголовно-процессуальных отношений при реализации процедуры задержания позволяет отметить, что в данном уголовно-процессуальном механизме имеются определенные пробелы и противоречия, которые следует решать путем внесения соответствующих дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Степень разработанности темы исследования. Теоретической основой данного исследования послужили труды отечественных ученых, освятивших в своих научных работах основные проблемы задержания подозреваемого. Среди них следует отметить А.Г. Александровского, А.М. Баранова, С.П. Бекешко, Б.Б. Булатова, Л.В. Головки, В.Н. Григорьева, А.П. Гуляева, И.М. Гуткина, Б.А. Денежкина, Л.М. Карнееву, Е.М. Клюкову, В.В. Кальницкого, Н.А. Козловского, С.А. Колосовича, В.Г. Кочеткова, А.А. Напреенко, А.В. Павлова, И.Л. Петрухину, С.Б. Россинского, А.И. Сергеева, А.В. Солтановича, М.С. Строговича, С.В. Супруна, Л.В. Франка, А.А. Чувилева, Ю.В. Мичурина, О.В. Церковного и др. Кроме указанных ученых, в работе использованы и обобщены мнения, высказанные в ряде других монографических исследований, научных и практических рекомендациях, в учебной и методической литературе, а также в некоторых научно-исследовательских статьях.

Целью настоящей работы является исследование сущности задержания подозреваемого с позиций уголовно-процессуального законодательства, выявление теоретических и практических проблем, выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства. Для достижения названной цели в процессе исследования ставились следующие основные задачи:

- 1) изучить исторические особенности возникновения, формирования и эволюции института задержания в уголовном судопроизводстве России;
- 2) определить место и роль процессуального принуждения в деятельности полиции;

3) рассмотреть сущность задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения;

4) определить роль и место уголовно-процессуального задержания в системе государственных мер принуждения

5) проанализировать основания задержания лица по подозрению в совершении преступления;

6) исследовать процессуальный порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления;

7) рассмотреть сроки, применяемые при задержании лица по подозрению в совершении преступления;

8) проанализировать проблемы и вопросы применения сотрудниками органов внутренних дел задержания подозреваемого.

Объектом исследования являются общественные отношения, которые складываются в процессе задержания подозреваемого.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, материалы судебной практики, а также положения научной уголовно-процессуальной литературы, касающиеся регламентации оснований и порядка задержания подозреваемого.

Методологической базой исследования являются общенаучные методы познания, например, исторический, системный. В процессе исследования применялись и частнонаучные методы: специально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, конкретно-социологический, историко-правовой, анализ документов и др.

Нормативную основу исследования составили положения Конституции РФ, уголовно-процессуального законодательства, постановлений Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и ведомственных подзаконных актов.

Работа состоит из введения, двух глав и восьми параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

1.1 Исторический аспект задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения

Для углубленного историко-правового анализа эволюции института задержания подозреваемого как меры уголовно-процессуального принуждения представляется методологически обоснованным выделение ряда хронологических этапов. Их периодизация может быть детерминирована принятием ключевых законодательных актов, регламентировавших и легитимировавших соответствующую процедуру и сопряженные меры принудительного характера.

1. Первый этап (регулирование по Соборному Уложению 1649 г.¹) характеризуется отсутствием в правовой доктрине и практике дифференциации между краткосрочным задержанием и длительным заключением под стражу. Примечательно, что субъект, в отношении которого применялись принудительные меры, обозначался в нормах уголовно-процессуального права посредством криминально-оценочных терминов («вор», «тать», «злодей»), а не нейтрального процессуального статуса. Задержание в данный период трактовалось преимущественно как метод изоляции для обеспечения участия лица в следственных действиях (розыске). Однако сам факт законодательной фиксации процедуры задержания следует рассматривать в качестве отправной точки его институционализации в отечественном праве.

2. Второй этап связан с принятием «Новоуказных статей о татейных, разбойных и убийственных делах» (1669 г.). Его отличительной чертой стало имплицитное привлечение к процедуре задержания не только официальных

¹ Соборное уложение 1649 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoe-ulozhenie1649> (дата обращения: 25.11.2025).

лиц, но и населения. Законодатель дифференцировал компетенцию по поимке преступников между губными старостами и сыщиками, устанавливая ее объем в зависимости от тяжести деяния. Параллельно на обывателей возлагалась правовая обязанность активно содействовать властям путем задержания и передачи им лиц, подозреваемых в воровстве и разбое, неисполнение которой влекло санкцию в виде штрафа¹.

3. Этап законодательного оформления задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения в период правления Петра I: «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (1716 г.) и учреждение полиции в качестве самостоятельного института власти.

В данный период в законодательстве получили легальное закрепление такие правовые категории, как «подозрение», «подозрительная особа» и «лицо, находящееся под подозрением». Основаниями для возникновения подозрений являлись: попытка уклонения от суда, факт нахождения лица в сообществе с преступниками, угрозы в адрес потерпевшего, предоставление суду противоречивых показаний, сообщение третьим лицам о совершенном деянии, а также нахождение на месте правонарушения в момент его совершения.

4. Этап развития задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения в связи с кодификацией законодательства Российской империи: принятие Свода законов (1832 г.), Устава уголовного судопроизводства (1864 г.) и Уголовного уложения о государственных преступлениях (1903 г.).

Данный этап характеризуется следующими законодательными нововведениями. Институт предварительного следствия предусматривал процедуру «взятия и доставления подозреваемых к следствию», под которой понималось принудительное удержание и привод для допроса лица, в

¹ Горохова Т.С. История развития законодательства о применении иных мер процессуального принуждения в России // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам CCCXXIX международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 104.

отношении которого имелись доказательства, основанные «на обстоятельствах, вызывающих сильные подозрения». Начальная стадия расследования завершалась приводом «заподозренного», после чего с его допроса в качестве обвиняемого инициировалось формальное судебное следствие. Важным гарантом прав личности являлась норма, согласно которой если в течение трех суток лицу, задержанному лицу не было объявлено о причинах его содержания под арестом или оно не подвергалось допросу, оно получало право обратиться в Совестный суд¹.

Для того чтобы государственные органы могли осуществлять решение одной из ведущих задач уголовно-процессуальной деятельности по изобличению подозреваемых в совершении преступлений, а также предание их справедливому наказанию, нужен определенный механизм, на сегодняшний день таким считается уголовное преследование. Первое упоминание о таковом институте можно найти в Уставе уголовного судопроизводства, принятом в 1864 году², до этого периода понятие «подозреваемый» отсутствовало. Появилось понятие «уголовное преследование» и под ним понималась деятельность, которая начиналась с возбуждения уголовного дела, а потом осуществлялось преследование лица, подозреваемого в совершении конкретного преступления. На тот момент не предусматривалось формулирование подозрения судебным следователем в отдельном документе³.

Устав уголовного судопроизводства прямо регламентирует порядок действий, связанных с подозреваемым в уголовном процессе, этим действиям

¹ Фатхуллин Р.Р. История развития института мер государственного принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2021. № 17. С. 219.

² Устав уголовного судопроизводства: принят 20 ноября 1864 г. / Классика Российского Права. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/> (дата обращения: 25.11.2025).

³ Туктарова Н.А. История уголовно-процессуального развития личности подозреваемого и его правового статуса // Правоохранительные органы: теория и практика. 2006. № 3-4. С. 46.

посвящена глава V Устава уголовного судопроизводства «О предоставлении подозреваемого к следствию и допросе его»¹.

Наличие правовых норм, регламентирующих статус подозреваемого в уголовном производстве, закрепленных в Уставе уголовного судопроизводства, еще не свидетельствовали об окончательном формировании института подозрения как самостоятельного процессуального явления. То есть данный исторический этап надлежит считать предпосылкой формирования института подозреваемого, но никак не формирования в целом, а скорее накопления опыта².

5. Советский период с момента Октябрьской революции 1917 г. характеризуется влиянием на совершенствование института задержания подозреваемого. В связи с тем, что события октября 1917 г. в корне изменили систему государственных учреждений в России, сформировался новый политический строй, советское правительство пожелало создать новые органы власти, а вместе с ними и нормативные акты, регламентирующие уголовный процесс нового государства³.

Период послереволюционного становления мер процессуального принуждения характеризуется децентрализацией и внепроцессуальным регулированием. Полномочия по задержанию лиц и санкционированию содержания под стражей были распределены между множеством должностных лиц и органов, деятельность которых регламентировалась разрозненными нормативными актами, зачастую не процессуального, а административно-распорядительного характера. Определенность в правовое регулирование данного института была внесена лишь с принятием УПК

¹ Устав уголовного судопроизводства: принят 20 ноября 1864 г. / Классика Российского Права. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/> (дата обращения: 25.11.2025).

² Волчецкая Т.С., Петров И.В. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? // Современное право. 2011. № 12. С. 89.

³ Амплеева Т.Ю. История судостроительства и уголовного судопроизводства в России (IX-XX вв.). Кн. 2. М., 2009. С. 57.

РСФСР 1923 г.¹. Кодекс закрепил гарантии неприкосновенности личности и установил исчерпывающие основания для применения 48-часового задержания: поимка на месте преступления, наличие явных следов причастности, попытка скрыться от правосудия, а также невозможность установления личности.

6. Этап развития в период массовых репрессий 1930-х годов ознаменовался целенаправленной деформацией процессуальных гарантий. В предварительном производстве был упразднен официальный статус подозреваемого, что лишало лицо минимальных процессуальных прав. Исторический опыт демонстрирует катастрофические последствия подобного упрощения процессуальной формы: внесудебные репрессивные органы («тройки» НКВД), применявшие жестокие наказания по малозначительным делам, а также распространение упрощенного дознания на дела о тяжких преступлениях. Легальной основой для свертывания процедурных норм стали Постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и, в особенности, Постановление от 14 сентября 1937 г. по делам о контрреволюционном вредительстве. Эти акты вводили для дел о «терроре» исключительный порядок: предельный 10-суточный срок следствия, вручение обвинительного заключения за сутки до суда, отсутствие права на кассационное обжалование и помилование, немедленное исполнение смертного приговора. Данная правовая модель создала условия для узаконенного беззакония и массовых внесудебных расправ².

7. Этап регламентации института задержания по УПК РСФСР 1960 г.³ ознаменовался институциональным закреплением статуса подозреваемого, включая определение данного понятия, формулирование его правового

¹ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

² Кривошёков Н.В. Институт мер уголовно-процессуального принуждения: история становления и тенденции развития // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 3-й международной конференции / под общ. ред. А.Ю. Терехова. Уфа, 2022. С. 153.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 40. Ст. 592.

положения и корреспондирующих обязанностей органов дознания и предварительного следствия. Несмотря на провозглашение права подозреваемого на защиту, его реализация носила преимущественно декларативный характер. Участие защитника допускалось лишь при применении к лицу таких мер процессуального принуждения, как фактическое задержание или избрание меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления официального обвинения¹.

8. Современный этап развития института мер процессуального принуждения, регламентированный УПК РФ, характеризуется динамизмом и значительным числом законодательных изменений, несмотря на продолжающееся действие данного кодифицированного акта. Показательной в этом отношении является эволюция норм, регулирующих задержание подозреваемого. Так, ст. 91 УПК РФ («Основания задержания») подвергалась редакции дважды (в 2003 и 2007 гг.), а ст. 92 («Порядок задержания подозреваемого») – более трех раз (в 2002, 2003, 2007, 2015 гг.). Указанная законодательная активность свидетельствует о перманентной потребности в корректировке правового регулирования задержания как меры процессуального принуждения и сохраняющейся дискуссионности ряда вопросов его правоприменительной практики.

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ развития и становления задержания как меры уголовно-процессуального принуждения в национальном законодательстве привел к следующим выводам:

1. Рассмотрев становление задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения в историческом аспекте, можно сделать вывод, что основы данного правового института были заложены в 1864 г. и связаны с принятием Устава уголовного судопроизводства. В период советского государства с 1917 по 1922 гг. развитие института мер принуждения заметно остановилось, и началось с новой силой только с

¹ Сопнева Е.В. Соотношение задержания и подозрения в законе: современный и исторический взгляды // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 98.

принятием УПК РСФСР в 1923 г., где законодатель впервые определил статус подозреваемого, в последующим дополненный и детализированный в 1960 г.

2. Сегодня задержание подозреваемого как мера процессуального принуждения, по сравнению с предшествующим уголовно-процессуальным законодательством, претерпело значительные изменения, связанные с развитием принципа состязательности уголовного судопроизводства и наделением подозреваемого (обвиняемого) широким набором прав. Рассматривая различные периоды истории России, можно проследить видоизменение анализируемого института, взаимосвязь между этими видоизменениями и социально-политическими и экономическими событиями в обществе.

1.2 Место и роль процессуального принуждения в деятельности полиции

Право на свободу является одним из первостепенных прав человека и гражданина, которое гарантировано Конституцией РФ. Несмотря на основополагающий характер данного права, как законодательством Российской Федерации, так и международными правовыми актами предусмотрено ограничение такого права в случаях и для целей, установленных законами государства¹.

Ограничение данного права человека происходит в рамках уголовного судопроизводства в отношении определенных субъектов, в строго определенном порядке и на основании решения компетентных органов. Вступая в уголовно-процессуальные отношения, их участники наделяются определенным процессуальным статусом, приобретают права и обязанности

¹ Бадмаева Т.Н., Церенкеев С.Б., Мещанов А.Ю., Менкеев Ю.Э., Эренжонов А.М. Основания и условия применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Аграрное и земельное право. 2022. № 8 (212). С. 161.

участников уголовного процесса, которые они обязаны соблюдать. Должная реализация уголовно-процессуальной деятельности, а именно обеспечение прав участников данных отношений, должное пресечение противодействия на производство по уголовному делу, обеспечивается государственным принуждением, которое, в свою очередь, реализуется при помощи применения особых мер воздействия – мер процессуального принуждения.

Совершение преступления вынуждает правоохранительные органы государства и их должностных лиц, применять к виновным лицами средства и меры процессуально-принудительного характера. Необходимость применения уголовно-процессуальных мер к лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления, существовала и будет существовать всегда, в связи с невозможностью полного искоренения преступных посягательств в обществе.

Итак, начиная рассмотрение данного параграфа, отметим, что уголовно-процессуальное право имеет публичный характер, для которого свойственно в подавляющем большинстве случаев использовать императивный метод правового регулирования. Специфика данного метода состоит в том, что он обеспечен силой государственного принуждения¹.

Далее следует сказать, что любое процессуальное действие направлено на разрешение определенной ситуации, результатом чего является принятие законного, обоснованного и своевременного процессуально решения. Соответственно, возникновение препятствий при совершении данного процессуального действия создает угрозы невозможности достижения уголовно-процессуальных целей и задач частного и общего характера (защита законных прав и интересов участников процесса; защиты личности от уголовного преследования и т.д.). В связи с этим эффективность разрешения уголовно-процессуальных ситуаций во многом поставлена в зависимость от предусмотренной законом степени потенциальной

¹ Колосков А.М., Шихнабиева О.Р. Понятие и виды мер государственного принуждения: сравнительный анализ концепций дореволюционного и современного периодов // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 1 (11). С. 14.

возможности вмешательства государственных органов в общественные отношения, в том числе посредством мер процессуального принуждения.

Б.Т. Романенко в своей статье по данному поводу замечает, что «сфера уголовно-процессуальных отношений сопряжена с широким и интенсивным применением мер процессуального принуждения, вплоть до ограничения неотъемлемых конституционных прав личности»¹.

Для правоприменителя является очевидным тот факт, что достижение целей и задач, стоящих перед уголовным процессом, невозможно без использования предусмотренных законом мер государственного принуждения. На концептуальном уровне данное утверждение подтверждается тем, что в основе уголовного процесса стоит конфликт частных и публичных интересов – желания избежать уголовной ответственности и необходимость к ней за совершение преступления в целях достижения социальной справедливости.

С.Б. Россинский отмечает, что «процессуальное принуждение – это предусмотренное уголовно-процессуальным законом и применяемое на основе специального решения субъекта уголовной юрисдикции принудительное средство внешнего воздействия на поведение участвующего в уголовном деле лица, чье ненадлежащее поведение создает или может создать препятствия для расследования и последующего судебного разбирательства уголовного дела»².

Рассматривая принуждение в уголовном процессе вообще, справедливости ради следует заметить, что существует большое количество уголовно-процессуальных концепций, обосновывающих его существование и возможность применения. Остановимся лишь на близкой к нашим убеждениям по содержанию концепции, которая базируется на утверждении о том, что каждый участник уголовно-процессуальных отношений имеет

¹ Романенко Н.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в отношении судей: проблемные вопросы законодательного регулирования // Мировой судья. 2017. № 11. С. 24.

² Россинский С.Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2017. № 3. С. 16.

процессуальные обязанности. В свою очередь, неисполнение таких обязанностей должно влечь адекватную реакцию со стороны государственных органов.

Данные вспомогательные инструменты позволяют при необходимости в необходимом объеме ограничить права участников уголовного судопроизводства и оказать влияние на их противодействие в ходе уголовному процессу. Данные меры имеют свои задачи – как общие, так и частные, которые раскрывают предназначение той или иной меры процессуального принуждения. Общая же задача мер процессуального принуждения состоит в пресечение каких-либо форм неисполнения закона лицами, являющимися участниками уголовного процесса. В частности, в определенных законом случаях, в отношении подозреваемого и обвиняемого применяются меры пресечения, которые существенно ограничивают его право на свободу, личную неприкосновенность.

По данному поводу С.И. Вершинина в своей работе отмечает: «сам факт наличия мер принуждения свидетельствует о том, что в правовом статусе участников судопроизводства заложен комплекс обязанностей, требующих гарантий надлежащего соблюдения. Принуждение допустимо там, где заканчиваются права и начинаются обязанности субъекта»¹.

Из изложенного можно сделать вывод, что степень реакции со стороны государства определяется вероятностью нарушения участниками процесса собственных права и характером такого нарушения. Соответственно, чем грубее и вероятнее такое нарушение, тем более суровым по своему содержанию должно быть уголовно-процессуальное принуждение. Придерживаясь концепции наличия процессуальных обязанностей как отправной точки применения государственного принуждения, определим их основной перечень:

- не продолжать преступную и иную противоправную деятельность;

¹ Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 90.

– не уклоняться от органов следствия, добросовестно участвовать в следственных действиях;

– нейтрально относиться к иным участникам процесса (свидетелям, потерпевшим, дающим избыточные показания в отношении подозреваемого, обвиняемого), не оказывать давление на последних с целью склонения к дачи определенных показаний;

– не уничтожать предметы и документы, признанные вещественными доказательствами по делу и иные значимые для дела объекты;

– возместить причиненный материальный и моральный вред, а также иным образом загладить причиненный вред¹.

Исполнение процессуальных обязанностей, обусловленных наличием статуса участника процесса, не может являться основанием для ограничения прав и свобод такого участника. Такие ограничения допустимы только при наличии определенного юридического факта, который состоит в неисполнении возложенных на него процессуальных обязанностей либо установления обстоятельств, которые с высокой степенью достоверности свидетельствуют о потенциальном нарушении таких обязанностей в будущем.

Для всесторонности исследования отметим, что меры принудительного характера имеются в каждой процессуальной отрасли права: в КоАП РФ – это меры обеспечения производства по делу, в АПК РФ – обеспечительные меры, в ГПК РФ – это меры обеспечения иска, в КАС РФ – меры процессуального принуждения и предварительной защиты по административному иску. Безусловно, данные меры носят характер процессуального принуждения, а основания их применения обусловлены не только наличием нарушений процессуальных обязанностей участниками.

Таким образом, меры процессуального принуждения выступают определенной реакцией со стороны уполномоченных органов, действующих

¹ Ярцев Р.В., Ситник А.В. Общая характеристика мер процессуального принуждения в уголовном процессе // Законность и правопорядок. 2022. № 3 (35). С. 43.

от имени государства, как на нарушение процессуальных обязанностей участниками, так и на обстоятельства, свидетельствующие о их возможном нарушении в будущем. При этом применение мер принуждения обусловлено целям и задачами, стоящими перед конкретной отраслью права.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой применяемые в рамках уголовного дела уголовно-процессуальные средства превентивного и пресекающего характера, состоящие в соразмерном ограничении прав и свобод определенных участников уголовного процесса в целях обеспечения нормального судопроизводства по уголовному делу.

Существенным недостатком современного уголовно-процессуального закона является отсутствие норм, предусматривающих цели их применения. И если применительно к иным мерам процессуального принуждения можно привести во внимание положения ст. 111 УПК РФ, предусматривающей две частные цели: обеспечение установленного законодательством порядка уголовного судопроизводства и надлежащее исполнение приговора, то применительно к задержанию и мерам пресечения, такие цели могут быть сформулированы только исходя из системного толкования положений закона.

Вместе с тем, данный явный недостаток УПК РФ, негативно влияющий на судебно-следственную практику и теорию уголовного процесса, некоторыми учеными-процессуалистами оценивается нейтрально и не воспринимается как серьезный пробел в норме. Главный аргумент такой позиции состоит в том, что такое положение вещей является сознательным решением законодателя, ввиду наличия положений ст. 6 УПК РФ, раскрывающих назначение уголовного судопроизводства¹. Мы полагаем, что данный подход не может быть признан истинным, как и нельзя признавать в

¹ Бойков А.Д. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех? // Российский судья. 2002. № 9. С. 7; Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4. С. 28.

качестве цели применения мер пресечения положения ст. 6 УПК РФ, поскольку термин «назначение уголовного судопроизводства» в научной литературе чаще всего связывают с функциями.

На основании сформулированных в науке задач, стоящих перед уголовным процессом, представляется возможным сформулировать следующие частные задачи, стоящие перед мерами уголовно-процессуального принуждения:

- обеспечивают нормальный ход уголовного судопроизводства;
- способствуют полному и всестороннему расследованию уголовного дела;
- обеспечивают исполнение процессуальных обязанностей участниками процесса и пресекают их нарушения.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы по данному параграфу:

1. Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой применяемые в рамках уголовного дела уголовно-процессуальные средства превентивного и пресекающего характера, состоящие в соразмерном ограничении прав и свобод определенных участников уголовного процесса в целях обеспечения нормального судопроизводства по уголовному делу.

2. Решение целей и задач, стоящих перед уголовным процессом, невозможно без использования предусмотренных законом мер государственного принуждения. На концептуальном уровне данное утверждение подтверждается тем, что в основе уголовного процесса стоит конфликт частных и публичных интересов – желания избежать уголовной ответственности и необходимость к ней за совершение преступления в целях достижения социальной справедливости.

3. Меры процессуального принуждения выступают определенной реакцией со стороны уполномоченных органов, действующих от имени государства, как на нарушение процессуальных обязанностей участниками, так и на обстоятельства, свидетельствующие о их возможном нарушении в

будущем.

4. К числу признаков мер процессуального принуждения следует отнести следующее: применяются уполномоченными должностными лицами; применяются в отношении определенного круга участников; в своем содержании представляют собой ограничения конституционных прав и свобод; порядок их применения строго регламентирован законом; осуществляются в строго определенных целях.

5. К числу задач, стоящих перед мерами уголовно-процессуального принуждения, следует отнести следующее: обеспечивают нормальный ход уголовного судопроизводства; способствуют полному и всестороннему расследованию уголовного дела; обеспечивают исполнение процессуальных обязанностей участниками процесса и пресекают их нарушения.

1.3 Сущность задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения

Уголовное судопроизводство, будучи деятельностью, направленной на раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, неизбежно соприкасается с необходимостью ограничения прав и свобод личности. Это ограничение, однако, не является произвольным, а регламентировано законом в виде системы мер процессуального принуждения. Среди них задержание подозреваемого занимает особое положение в силу своей исключительной интенсивности, связанной с краткосрочным лишением свободы, и пограничного характера, находящегося на стыке оперативно-розыскной деятельности и формального уголовного процесса¹.

¹ Золочевская Л.С. Некоторые гарантии прав подозреваемого и проблемы их обеспечения при задержании лица по подозрению в совершении преступления // Научный

Сущность задержания как меры процессуального принуждения раскрывается через его целевое назначение, правовую природу, сочетание процессуальных и фактических оснований, а также через систему гарантий, призванных минимизировать риск произвола. Данная мера представляет собой комплексный правовой институт, обеспечивающий динамику уголовного преследования, но требующий соразмерного баланса между интересами правосудия и незыблемостью личной свободы.

При рассмотрении сущности задержания подозреваемого следует обратить внимание, что предусматривается в п. 5 ст. 5 УПК РФ. Данная норма представляет задержание подозреваемого как меру процессуального принуждения. Поэтому задержание подозреваемого можно определить как конкретное процессуальное действие, которое выражается в кратковременном пребывании лица под стражей – применение меры принуждения, а также в качестве соответствующего процессуального решения – избрание меры принуждения¹.

Процессуальные действия, определяемые категорией «задержание подозреваемого», рассматриваются в гл. 12 УПК РФ. В данную главу УПК РФ категорией «задержание подозреваемого» включается ряд процессуальных действий:

- обязательный допрос подозреваемого – ч. 4 ст. 82 УПК РФ;
- личный обыск подозреваемого – ст. 93 УПК РФ;
- сообщение о произведенном задержании подозреваемого – ч. 3 ст. 92 УПК РФ и т.д.

Так как после проведения задержания очень часто следует последующее перемещение подозреваемого в изолятор временного содержания, задержание подозреваемого можно рассматривать не только как объект уголовно-процессуального регулирования, но и как режимное

вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 206.

¹ Сопнева Е.В. Соотношение задержания и подозрения в законе: современный и исторический взгляды // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 4. С. 98.

мероприятие, предусмотренное Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹ (далее – ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

В данном случае можно говорить, что «задержание подозреваемого» рассматривается с различных позиций. Отсутствует четкое законодательное единообразие по поводу данного термина, что усложняет позиции относительно местоположения не только в правоохранительной деятельности, но и в системе уголовно-процессуального регулирования.

По мнению Л.Р. Амичбы, Г.С. Блинова и К.А. Гаджиева, задержание подозреваемого в уголовно-процессуальном регулировании целесообразно представлять как правовую категорию, которая является предметом исследования наук юридического цикла и элементом различных сфер правового регулирования. С точки зрения криминалистики задержание подозреваемого представляется как следственное действие, а с точки зрения уголовно-процессуального регулирования представляет собой меру принуждения².

Б.Б. Булатов отмечает, что задержание подозреваемого представляет собой определенную меру принуждения, которая ведет к ограничению свободы лица, подозреваемого в совершении преступления³. Вопросу оснований задержания подозреваемого и порядка осуществления задержания посвящена гл. 12 УПК РФ. В данном случае речь идет об ограничении свободы в соответствии со ст.ст. 91 и 92 УПК РФ.

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 326-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

² Амичба Л.Р., Блинов Г.С., Гаджиев К.А. Задержание как одно из действий органов предварительного расследования в уголовном процессе // Моя профессиональная карьера. 2025. Т. 3. № 72. С. 270.

³ Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 20.

Задержание подозреваемого является проявлением государственного принуждения, как одного из способов воздействия на поведение членов общества, а это основной элемент общественной жизни. Процессуальное принуждение, а именно задержание подозреваемого, не является единственным в уголовном судопроизводстве. Задержание подозреваемого является одним из многочисленных средств для достижения пресечения противоправного поведения. Процессуальное принуждение используется для достижения целей уголовного судопроизводства в комплексе с другими процессуальными средствами, направленными на ограничение свободы подозреваемых лиц¹.

По своей роли задержание подозреваемого выполняет три ключевые функции:

1) тактико-оперативную: мгновенная реакция на возникшее подозрение, обеспечение сохранности доказательств;

2) процессуально-гарантирующую: создание условий для реализации прав подозреваемого (на защиту, на обжалование) и обязанностей государства (по доказыванию);

3) системно-связующую: задержание является необходимым «шарнирным» механизмом между стадией возбуждения уголовного дела и предъявлением обвинения, между оперативной информацией и судебным решением о мере пресечения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Задержание подозреваемого – это сложная правовая категория, которая не может быть рассмотрена только как объект уголовно-процессуального регулирования. Задержание подозреваемого сводится к тому, что данная категория включает в себя уголовно-процессуальные, криминалистические, оперативно-розыскные, административно-правовые и

¹ Перцев Д.В. Недостатки уголовно-правовой регламентации задержания лица, совершившего преступление, и ответственности за заведомо незаконное задержание // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 22.

другие направления, которые в целом позволяют сформировать практику по соответствующему назначению уголовного судопроизводства и позволяющую соблюдать права и свободы личности. Кроме того, рассмотренная сущность категории «задержание подозреваемого» направлена на эффективное решение задач, которые стоят перед уголовно-процессуальными структурами. Особенно это необходимо на первоначальном этапе расследования уголовного дела, когда предполагается осуществить задержание подозреваемого.

2. Задержание подозреваемого представляет собой уникальную по своей правовой природе меру процессуального принуждения. Его сущность определяется временным, неотложным и проверочным характером. Оно служит правовым механизмом перевода лица из состояния фактической подозреваемости в четкий процессуальный статус, обеспечивая при этом возможность для государства проверить обоснованность подозрений и решить вопрос о необходимости более строгой меры пресечения.

3. По нашему мнению, задержание представляет собой меру процессуального принуждения, имеющую статус процессуального действия, содержание которой состоит в фиксации временного ограничения свободы причастного к совершению преступления лица для достижения цели, состоящей в обеспечении нормального производства по уголовному делу. Кроме этого, решение о задержании означает появление в уголовном деле процессуальной фигуры подозреваемого ввиду формулирования от имени государства официального подозрения.

1.4 Роль и место уголовно-процессуального задержания в системе государственных мер принуждения

Система государственных мер принуждения представляет собой сложный, иерархически организованный механизм, предназначенный для защиты охраняемых законом ценностей, обеспечения правопорядка и реализации публичных интересов. В рамках уголовного судопроизводства данный механизм приобретает особую остроту, поскольку непосредственно затрагивает конституционные права и свободы личности. Среди многообразия принудительных мер уголовно-процессуальное задержание (ст.ст. 91-96 УПК РФ) занимает ключевое, во многом пограничное положение. Оно является первоначальным, экстренным и наиболее интенсивным вмешательством в правовой статус личности на досудебных стадиях процесса. Определение его точной роли и места в системе государственного принуждения представляет собой значительную теоретическую и практическую проблему, требующую комплексного анализа с позиций конституционного, уголовно-процессуального права и правоприменительной практики¹.

Критериев для классификации мер процессуального принуждения в науке уголовного процесса существует достаточно большое количество.

Наибольшее значение имеет классификация, установленная IV разделом УПК РФ, согласно которой меры процессуального принуждения разделяются на задержание, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения. Важность данной классификации обусловлена ее нормативным характером. Такое обособление не случайно и отражает сущностные характеристики задержания:

1. Временный и неотложный характер. Задержание – это краткосрочная

¹ Ахмедов М.Д. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: проблемы правоприменения // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 7. С. 134.

мера (до 48 часов), применяемая на начальном, зачастую неотложном этапе расследования, когда информация еще проверяется, а доказательственная база только формируется.

2. Специальный субъект применения. В отличие от большинства мер пресечения, санкционируемых судом, задержание осуществляется органом дознания, дознавателем, следователем по их процессуальному решению (протоколу задержания), что подчеркивает его оперативную составляющую.

3. Специфическая процессуальная цель. Конечной целью задержания является не просто обеспечение будущего хода процесса (как у мер пресечения), а решение ряда непосредственных задач: проверка причастности к преступлению, определение необходимости избрания меры пресечения, в частности заключения под стражу, и предотвращение уклонения от органов следствия.

4. Основание – подозрение, а не обвинение. Задержание применяется в отношении подозреваемого – лица, в отношении которого еще не собрано достаточных доказательств для предъявления официального обвинения. Это ключевое отличие от мер пресечения, избираемых в отношении обвиняемого¹.

Институты подозрения и обвинения, регламентированные российским уголовно-процессуальным законодательством, представляют собой последовательные стадии развития уголовного преследования. Эволюция данных институтов демонстрирует тенденцию к усилению процессуальных гарантий и их сближению, что порождает в процессуальной доктрине дискуссии о целесообразности унификации соответствующих процедур, вплоть до отказа либо от института привлечения в качестве обвиняемого, либо от фигуры подозреваемого.

Ключевым аспектом для сравнительного анализа является степень вероятности причастности лица к совершению преступления, характерная

¹ Шайденко Д.А. О сущности и правовой природе задержания подозреваемого // Преемственность и новации в юридической науке: материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2025. С. 146.

для стадий подозрения и предъявления обвинения. Оба этапа носят вероятностный характер, однако если при подозрении обоснованность виновности лица является недостаточной, то при предъявлении обвинения уровень ее доказательственной базы должен быть существенно выше, хотя виновность обвиняемого еще не может считаться окончательно установленной. В процессе движения от вероятности к достоверности, как отмечается в научной литературе, происходит редукция вероятности противоположного события (невиновности), которая асимптотически приближается к нулю, в то время как вероятность виновности стремится к единице. Достижение последней означает установление объективной истины по делу, при которой вина лица считается полностью доказанной. Таким образом, при составлении обвинительного заключения или акта следователь или дознаватель, основываясь на совокупности собранных доказательств, исходит из достоверности виновности привлекаемого лица и фиксирует данный вывод в соответствующем процессуальном документе¹.

Более обоснованной представляется точка зрения И.Л. Петрухина, согласно которой на стадии подозрения предположение о совершении преступления конкретным лицом еще не приобретает характера доказанного утверждения. Таким образом, в отношении подозреваемого правомерно говорить не о виновности, а о предположительной причастности к инкриминируемому деянию. Следовательно, предметом доказывания при формировании подозрения выступает не вина или ее форма, а именно причастность лица к совершению преступления².

Таким образом, задержание выступает процессуальным «фильтром» или проверочным механизмом, позволяющим перевести лицо, застигнутое на месте преступления или в связи с иными достаточными данными, из статуса неопределенности (фактически задержанного) в четкий процессуальный

¹ Смолькова И.В. Понятие и сущность подозрения в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 2. С. 172.

² Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. I. С. 84.

статус подозреваемого с предоставлением соответствующих прав и возможностей для защиты. Оно служит связующим звеном между моментом возникновения у правоохранительных органов обоснованных подозрений и моментом принятия формального процессуального решения о дальнейшем ограничении свободы.

Итак, в правоохранительной деятельности с высокой периодичностью возникает потребность принятия быстрых и оперативных решений, направленных на решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Одним из способов решения указанных задач является мера процессуального принуждения в виде задержания.

С появлением в уголовном деле участника со статусом подозреваемого начинается основная избобличительная деятельность, поскольку на данном моменте осуществлен сбор такой совокупности доказательств, которая позволяет утверждать о высокой вероятности причастности лица к расследуемому преступлению. С этого момента государства в лице уполномоченных должностных лиц официально ставит лицо в известность о подозрении, а у последнего появляются процессуальные права, с помощью которых он может защищаться.

Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения связана с лишением личности свободы, главным образом, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В случае незаконного и необоснованного применения задержания это может нанести существенный ущерб правам и свободам человека и гражданина. Характеристика данного действия может быть дана через перечисление его целей, мотивов и условий применения. Так, по нашему мнению, целью задержания является создание условий для всесторонней проверки причастности указанного лица к совершенному преступлению путем пресечения его преступной деятельности, обеспечения участия лица в следственных и процессуальных действиях, сохранения доказательственной базы, а также обеспечения возможности избрания меры

пресечения такому лицу¹.

Мотивами задержания является внутреннее субъективное убеждение уполномоченного должностного лица, основанное на совокупности доказательств дело, о том, что имеется необходимость принятия мер, направленных на обеспечение нормального хода судопроизводства. Условием задержания подозреваемого в преступлении является наличие возбужденного уголовного дела о преступлении, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Вне рамок расследования уголовного дела данная мера процессуального принуждения применена быть не может.

Неотложный характер задержания обусловлен тем, что его применение осуществляется без достаточного судебного или прокурорского контроля, а основания его применения не предполагают доказательств виновности лица, а лишь установления его причастности.

Раскрывая природу задержания, отметим, что в науке уголовного процесса имеет длительный характер дискуссия относительно его природы: некоторые авторы рассматривают задержание как следственное действие², другие пишут о том, что задержание имеет особый характер³.

Изучив представленные позиции, мы полагаем, что задержание относится к категории процессуальных действий и не имеет характер следственного действия. В связи с этим мы солидарны с аргументами, высказанными сторонниками последней позиции, которые состоят в следующем:

– на то, что задержание является следственным действием, в УПК РФ подобного указания нет;

¹ Титов П.М. Особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения по делам частного обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1 (37). С. 31.

² Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М., 1980. С. 10.

³ Назаров С.В. Задержание – «иное» процессуальное действие // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 48.

– задержание в своем содержании не содержит методов познания информации (наблюдения, сравнения, опроса, эксперимента и т.д.), то есть задержание не обладает познавательным характером;

– задержание, с точки зрения его производства, не предусматривает какую-либо подготовку либо вынесения отдельного процессуального решения, в котором бы отражались основания задержания, оно в подавляющем большинстве случаев является оперативной мерой, предпринимаемой во внезапно возникшей ситуации. Вместе с тем, нам представляется, что исключение из данного правила составляют случаи, когда задержание проводится органом дознания на основании поручения лица, в чьем производстве находится уголовное дело. Нормативную основу данного суждения составляют п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, предусматривающий возможность направления указанного поручения для исполнения постановления о задержании. Отсюда можно сделать вывод, что для определенных случаев УПК РФ предусматривает юридическое основание для проведения задержания в порядке ст. 91 УПК РФ в форме постановления;

– в отличие от следственных действий, которые начинаются с момента начала составления соответствующего протокола, протокол задержания уже фиксирует период с момента фактического ограничения свободы человека и до момента оформления данного протокола должностным лицом¹.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

1. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о комплексной и пограничной роли уголовно-процессуального задержания в системе государственных мер принуждения.

2. По своему месту задержание находится на стыке блоков государственного принуждения: оперативно-розыскного (как точка перехода от негласной деятельности к публичному процессу); уголовно-

¹ Гаджиев И.А. Проблемы нормативного регулирования подозрения // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 68.

процессуального (как первоначальная, неотложная мера процессуального принуждения, создающая условия для применения иных мер).

3. Уголовно-процессуальное задержание – это не просто одно из многих принудительных средств, а базовая, стартовая мера в цепи ограничений прав личности в уголовном процессе. Его значение определяется тем, что именно на этом этапе закладываются основы для всего дальнейшего производства по делу, и именно здесь наиболее остро проявляется конфликт между публичным интересом в эффективном расследовании и неприкосновенностью частной жизни. От того, насколько точно определено и соблюдается законное место задержания в системе принуждения, зависит не только эффективность борьбы с преступностью, но и уровень реальной защиты прав человека в правовом государстве.

ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1 Основания задержания лица по подозрению в совершении преступления

Являясь мерой процессуального принуждения, задержание самым существенным образом ограничивает конституционное право человека на свободу и личную неприкосновенность. В связи с этим особую значимость приобретает четкое понимание правовых и фактических предпосылок применения данной меры – ее оснований. Несмотря на кажущуюся ясность законодательных формулировок, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, обусловленных как несовершенством юридической техники, так и сложной исторической природой самого института.

В теории уголовного процесса под основаниями задержания подозреваемого принято понимать совокупность фактических данных (сведений), указывающих на возможную причастность лица к совершению преступления и позволяющих органу дознания, дознавателю или следователю применить к нему меру процессуального принуждения в виде кратковременного лишения свободы¹.

Легальное определение оснований задержания содержится в ст. 91 УПК РФ. Анализ доктринальных источников позволяет выделить два подхода к пониманию данной категории. С формальной точки зрения, основания задержания – это исчерпывающий перечень юридических фактов, закрепленных в законе, наличие которых дает должностному лицу право ограничить свободу гражданина². С содержательной точки зрения, как

¹ Шайденко Д.А. Генезис оснований задержания подозреваемого в российском уголовном процессе // Законодательство и практика. 2024. № 1 (52). С. 48.

² Лесников Г.Ю., Сторожихин И.С. Преступление как основание правомерного причинения вреда при осуществлении уголовно-правового задержания // Научные труды.

справедливо отмечал И.М. Гуткин, основания задержания должны быть не просто поводом для физического захвата, а свидетельствовать об объективной необходимости применения данной меры для достижения целей уголовного судопроизводства¹.

Важно разграничивать понятия «основания» и «условия» задержания. Условием задержания согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ является подозрение лица в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Основания же – это конкретные фактические обстоятельства, позволяющие сформировать такое подозрение.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает четыре основания для задержания, три из которых указаны в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, а четвертое, имеющее дополнительные условия, – в ч. 2 ст. 91 УПК РФ.

Лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ)

Данное основание, уходящее корнями в средневековый институт «in flagranti» (задержание с поличным), предполагает, что лицо было поймано в момент выполнения объективной стороны преступления (например, при проникновении в жилище) либо сразу после окончания преступных действий, как правило, на месте происшествия или при попытке скрыться.

Проблема правоприменения здесь часто заключается в расширительном толковании понятия «непосредственно после». На практике нередки случаи задержания лиц, просто оказавшихся рядом с местом преступления. Так, К. был задержан сотрудниками полиции в парке через 15 минут после того, как было совершено разбойное нападение на прохожего. К. находился в 300 метрах от места происшествия, его внешность совпадала с общим словесным портретом нападавшего (темная одежда, средний рост). При этом у К. не было при себе похищенного, и очевидцы не смогли его

Российская академия юридических наук. Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXV Международной научно-практической конференции. М.: Юрист, 2025. С. 660.

¹ Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 32.

опознать. Задержание было произведено именно по п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, однако впоследствии прокурор признал его необоснованным, так как факт нахождения вблизи места преступления спустя некоторое время сам по себе не свидетельствует о том, что лицо было «застигнуто непосредственно после совершения преступления»¹. В данном случае имело место лишь сходство по приметам, что относится к категории «иных данных».

Потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ)

Данное основание базируется на показаниях очевидцев. Законодатель в действующей редакции исключил слово «прямо», которое содержалось в ранее действовавшем УПК РСФСР. Это породило дискуссию. Как справедливо отмечает С.Б. Россинский, буквальное толкование позволяет потерпевшему, не являющемуся очевидцем (например, узнавшему о преступлении со слов третьих лиц), указать на любое лицо, что недопустимо².

Так, потерпевший по делу о мошенничестве, который общался с преступником только по телефону и лично его не видел, указал на П. в отделе полиции как на лицо, совершившее преступление, основываясь на голосе, который он слышал в коридоре. Хотя потерпевший не был очевидцем события в момент его совершения, его указание было формально принято как основание для задержания по п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Впоследствии выяснилось, что голос принадлежал другому человеку. Данный случай демонстрирует необходимость четкого разграничения: по п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ могут указывать только те потерпевшие, которые непосредственно наблюдали преступление. Иначе такие сведения должны расцениваться как «иные данные» (ч. 2 ст. 91 УПК РФ) с обязательным наличием дополнительных условий.

¹ Уголовное дело 1-160/2022 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.

² Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 9.

На подозреваемом или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления (п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ)

Под «явными следами» понимаются не столько очевидные визуально предметы, сколько доказательства, прямо и категорично свидетельствующие о причастности лица к преступлению. Это могут быть похищенные вещи, орудия преступления, следы крови, микрочастицы с места происшествия¹.

Ошибки в применении данного основания часто связаны с тем, что относимость следов оценивается без учета иных обстоятельств дела. Так, сотрудниками полиции был задержан гражданин при попытке сбыта нескольких слитков серебра кустарного производства. Дежурный следователь возбудил уголовное дело по ч. 1 ст. 191 УК РФ и задержал подозреваемого по п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ в связи с обнаружением при нем явных следов преступления – самих слитков. Однако, никакой потребности в изоляции лица не было. Оно имело постоянное место жительства и работу, не намеревалось скрываться. Слитки были изъяты, что исключало возможность уничтожения доказательств. Задержание было произведено сугубо формально, и позднее подозреваемого освободили². Этот пример иллюстрирует отсутствие взаимосвязи между основанием задержания и его целями.

Иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления (ч. 2 ст. 91 УПК РФ)

Данное основание является резервным и применяется при наличии сведений, не столь очевидных, как в трех предыдущих случаях (например, показания лиц, не являющихся очевидцами, сходство с фотороботом, данные оперативно-розыскной деятельности, явка с повинной). Законодатель, справедливо опасаясь необоснованных задержаний, ограничил применение этого основания четырьмя дополнительными условиями: 1) лицо пыталось

¹ Коврижкина А.А. Основания и виды задержания подозреваемых в совершении преступлений // Флагман науки. 2024. № 4 (15). С. 460.

² Уголовное дело 1-195/2023 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.

скрыться; 2) не имеет постоянного места жительства (места пребывания); 3) не установлена его личность; 4) следователем направлено в суд ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Наибольшие споры вызывает толкование понятия «иные данные», которое законодателем не раскрыто. Так, в дежурную часть поступила явка с повинной от С., который сообщил о совершенной им краже из частного дома. Оперативные сотрудники выехали по месту его жительства. С. проживал один в съемной квартире, имел временную регистрацию. Поскольку он не пытался скрыться и личность его была установлена, основания для задержания по ч. 2 ст. 91 УПК РФ отсутствовали, так как не было ни одного из четырех условий. Следователь вызвал его повесткой, и он был допрошен в качестве подозреваемого без задержания¹. Если бы С. попытался скрыться при виде сотрудников полиции, это стало бы тем самым условием, которое в совокупности с явкой с повинной (иными данными) позволило бы произвести задержание.

Анализ судебно-следственной практики и теоретических источников позволяет выделить несколько ключевых проблем, связанных с реализацией оснований задержания. Прежде всего, следует выделить отсутствие взаимосвязи оснований и целей задержания. Это фундаментальная проблема, наиболее глубоко исследованная С.Б. Россинским². Целями задержания являются: обеспечение явки подозреваемого, пресечение его возможности скрыться, воспрепятствовать производству по делу или продолжить преступную деятельность. Однако основания, перечисленные в ст. 91 УПК РФ, сами по себе не свидетельствуют о наличии указанных рисков. То, что лицо застигнуто на месте преступления, еще не означает, что оно намерено скрываться. Отсутствие в законе требования устанавливать цели задержания

¹ Уголовное дело 1-220/2024 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.

² Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 175.

(в отличие от ст. 97 УПК РФ для мер пресечения) порождает «бесцельные» задержания, превращая их в формальную полицейскую процедуру.

Также необходимо отметить проблему момента фактического задержания и «правового вакуума». УПК РФ (п. 15 ст. 5) связывает начало задержания с моментом «фактического лишения свободы передвижения». Однако порядок фиксации этого момента и действия сотрудников в промежутке между захватом и доставлением к следователю (для составления протокола) законодательно урегулированы слабо. И.А. Ретюнских справедливо указывает, что эти временные интервалы часто остаются бесконтрольными¹.

Так, М. был захвачен сотрудниками полиции в 23:00 при попытке сбыта наркотиков (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Фактически свобода передвижения у него была ограничена с этого момента. Однако доставлен в отдел полиции он был только в 01:30, а протокол задержания составлен в 03:00 (в течение 3 часов с момента доставления, как требует ст. 92 УПК РФ). Время с 23:00 до 01:30 не было надлежащим образом процессуально оформлено, что впоследствии дало основание защите утверждать о незаконном нахождении М. в неопределенном статусе². Суды часто исчисляют срок задержания с момента составления протокола, а не с момента фактического захвата, что противоречит смыслу закона.

С.Б. Россинский убедительно доказывает, что институт задержания имеет полицейскую, а не юрисдикционную природу³. Изначально он был предназначен для физического захвата лица с личным до передачи его судебным следственным органам. Однако российский законодатель включил его в УПК РФ, наделив следователя (лицо, выполняющее юрисдикционную функцию) полномочием принимать решение по итогам полицейского

¹ Ретюнских И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 18.

² Уголовное дело 1-25/2024 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.

³ Россинский С.Б. Указ. соч. С. 177.

захвата. Это привело к подмене понятий: основания для подозрения стали считаться основаниями для задержания.

Прикладная технология составления протокола задержания (ст. 92 УПК РФ) зачастую не позволяет стороне защиты эффективно обжаловать само решение о задержании, так как основания в нем лишь констатируются, но не обосновываются с точки зрения целей применения меры. Как отмечает С.Б. Россинский, сотрудники органов следствия иногда задерживают подозреваемых, преследуя цели, далекие от закона: нежелание брать на себя ответственность, боязнь критики руководства, а иногда и коррупционные мотивы¹.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

1. Анализ оснований задержания подозреваемого свидетельствует о наличии серьезных противоречий в их правовом регулировании. Существующие в ст. 91 УПК РФ формулировки, будучи исторически апробированными для полицейской деятельности, плохо гармонируют с целями уголовно-процессуального принуждения. Отсутствие четкого законодательного требования о необходимости установления связи между основаниями и целями задержания (предотвращение уклонения от следствия, продолжения преступной деятельности и т.д.) приводит к необоснованному ограничению прав граждан.

2. Правоприменительная практика изобилует примерами формальных задержаний, когда наличие одного из оснований, указанных в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, автоматически влекло за собой помещение лица в изолятор временного содержания без учета фактической необходимости данной меры. Особую остроту приобретает проблема неопределенности момента фактического задержания, создающая «правовой вакуум» для злоупотреблений.

¹ Россинский С.Б. Фактическое задержание подозреваемого в совершении преступления и его доставление в органы предварительного расследования: есть ли основания для включения в сферу уголовно-процессуального регулирования? // Юридическое образование и наука. 2024. № 5. С. 27.

3. Представляется, что решение выявленных проблем видится либо в кардинальном пересмотре структуры главы 12 УПК РФ с целью установления прямой корреляции между основаниями и целями задержания, либо в выведении института задержания из предмета уголовно-процессуального регулирования и регламентации его отдельным законодательным актом, четко разграничивающим полицейские полномочия по захвату и процессуальную деятельность по избранию мер пресечения.

2.2 Порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления

Анализ современных научных источников и правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда системных проблем в порядке задержания. Эти проблемы варьируются от несовершенства законодательной техники до глубоких методологических противоречий в понимании сущности подозрения и момента возникновения статуса подозреваемого¹. Целью данного параграфа является анализ процессуального порядка задержания, регламентированного ст. 92 УПК РФ, и выявление ключевых проблем правоприменения, возникающих при реализации данной меры.

Процессуальный порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления регламентирован главой 12 УПК РФ, центральное место в которой занимает ст. 92. Данная норма устанавливает алгоритм действий должностного лица (органа дознания, дознавателя, следователя) после доставления подозреваемого в орган предварительного расследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ, кульминацией первоначального этапа задержания является составление протокола. В этом документе

¹ Сайфутдинова А.Д. К вопросу о правовых основах задержания как меры государственного принуждения, применяемого сотрудниками правоохранительных органов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 3 (57). С. 34.

фиксируется факт применения меры принуждения. Закон предъявляет четкие требования к его содержанию: в протоколе обязательно указываются дата и время его составления, место, основания и мотивы фактического задержания подозреваемого, результаты его личного обыска, а также время разъяснения прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ.

Важной гарантией прав задержанного является положение ч. 4 ст. 92 УПК РФ, обязывающее произвести допрос подозреваемого в соответствии с требованиями ст.ст. 189 и 190 УПК РФ. Данное требование должно быть реализовано в срок не более 24 часов с момента фактического задержания. Перед началом допроса подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально.

Закон также устанавливает строгие временные рамки для уведомления надзирающих органов: согласно ч. 3 ст. 92 УПК РФ, следователь или дознаватель обязан в письменном виде уведомить прокурора о произведенном задержании в течение 12 часов с момента фактического задержания. Протокол задержания, составленный в порядке ст. 92 УПК РФ, является ключевым процессуальным документом, который легитимизирует нахождение лица в статусе подозреваемого и служит точкой отсчета для исчисления процессуальных сроков, а также основанием для помещения лица в изолятор временного содержания¹. Однако, как показывает анализ юридической литературы и судебной практики, четкость законодательных формулировок нивелируется сложностью их практического применения, что порождает ряд серьезных проблем.

Несмотря на детальную, на первый взгляд, регламентацию, процедура задержания сопряжена с целым рядом проблем, которые носят как доктринальный, так и сугубо прикладной характер. Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, самой острой и часто обсуждаемой проблемой является определение момента фактического задержания. В качестве

¹ Гараева Т.Б. Административное и уголовно-процессуальное задержание: правовой анализ принудительных мер // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 416.

иллюстрации можно привести пример, когда Московский городской суд отказал в удовлетворении жалобы адвоката, утверждавшего, что его подзащитный был фактически задержан раньше, чем указано в протоколе. Суд ограничился формулировкой, что эти доводы «получили надлежащую оценку в постановлении» нижестоящего суда¹. Такая ситуация является типичной, когда правоприменитель исходит из формального составления протокола, а не из фактического ограничения свободы, что прямо противоречит правовой позиции Конституционного Суда РФ, неоднократно указывавшего, что именно с момента фактического ограничения свободы лицо приобретает право на защиту².

Тесно связана с предыдущей проблема отсутствия в законе четкого разграничения между деятельностью по «захвату» (фактическое задержание) и собственно процессуальным оформлением. Н.В. Кривошеков справедливо указывает, что действия по фактическому задержанию регулируются не УПК РФ, а Федеральным законом «О полиции»³ и иными ведомственными актами, но при этом их последствия носят сугубо уголовно-процессуальный характер. Сотрудник полиции, осуществляющий захват, не является следователем или дознавателем, но его действия по ограничению свободы влекут за собой начало течения срока, предусмотренного УПК РФ.

Эта двойственность приводит к сложностям в реализации прав задержанного на этапе доставления. Например, ч. 7 ст. 14 Федерального закона «О полиции» обязывает уведомить близких родственников о задержании в течение 3 часов. Однако ч. 4 ст. 96 УПК РФ допускает не уведомлять родственников, если это необходимо для интересов

¹ Дело № 10-5075/2015 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/8d82e3d2-ef53-4a5e-8159-de228a52e8bb> (дата обращения: 17.02.2026).

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. Федерального закона от 15 декабря 2025 г. № 486-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

предварительного расследования, но только на основании мотивированного постановления с согласия прокурора. Получить такое согласие прокурора в течение 3 часов, пока лицо еще находится в процессе доставления, физически невозможно. Следовательно, либо полицейский нарушает 3-часовой срок уведомления по Федеральному закону «О полиции», либо нарушается процедура, установленная УПК РФ, если уведомление не производится без прокурорской санкции. Как верно резюмирует Н.В. Азаренок, «корень всех зол» кроется в разноотраслевой регламентации единого по своей сути процесса¹.

С.Б. Россинский в своей работе поднимает проблему «высокого» правового значения допроса, акцентируя внимание на его двойственной природе: это и способ получения доказательств, и важнейшее средство защиты от уголовного преследования². Закон (ч. 4 ст. 92 УПК РФ) отсылает правоприменителя к общим правилам допроса (ст.ст. 189, 190 УПК РФ), которые, по сути, ориентированы на допрос свидетеля. Это, по нашему мнению, методологически неверно, так как процессуальный статус подозреваемого близок к статусу обвиняемого, допрос которого регламентирован отдельной ст. 173 УПК РФ с дополнительными гарантиями.

Кроме того, острой проблемой является практика так называемого «двухэтапного» допроса, когда лицо сначала допрашивается в качестве свидетеля (предупрежденного об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний), а затем, после появления доказательств, его статус меняется на подозреваемого, и он допрашивается вновь. Такая ситуация возможна из-за несформированности подозрения на момент доставления лица. Следовательно, не имея достаточных данных для выдвижения подозрения, пытается получить информацию от доставленного под видом свидетеля, что является грубым нарушением права на защиту, так

¹ Азаренок Н.В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6. С. 7.

² Россинский С.Б. О «высоком» правовом значении допроса подозреваемого (при его задержании в порядке гл. 12 УПК РФ) // Правовая парадигма. 2018. № 4. С. 125.

как лицо не знает, в чем его подозревают, и не имеет права отказаться от дачи показаний без последствий. На практике следователь может мотивировать это тем, что на момент начала допроса у него еще не было оснований, перечисленных в ст. 91 УПК РФ, и он лишь «выяснял обстоятельства».

С.Б. Россинский справедливо отмечает, что разъяснение сущности подозрения должно быть интегрировано в допрос¹. В действующей редакции закона обязанность разъяснить существо подозрения перед допросом прямо не прописана, что позволяет следователям формально подходить к этой процедуре, просто констатируя факт задержания по протоколу, а не раскрывая суть претензий.

Отдельного внимания заслуживает вопрос правовой регламентации задержания лица, совершившего преступление, гражданами. Статья 38 УК РФ и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 допускают такую возможность и даже регламентируют условия правомерности причинения вреда при таком задержании². Однако процессуальный порядок передачи задержанного гражданами правоохранительным органам, их действия по доставлению, временному удержанию до прибытия полиции – все это остается за рамками уголовно-процессуального регулирования, создавая правовой вакуум.

М.Р. Каршиев, анализируя эту проблему, указывает, что ни КоАП РФ³, ни Федеральный закон «О полиции», ни тем более УПК РФ не содержат норм, детализирующих процессуальные действия граждан при доставлении

¹ Россинский С.Б. Указ. соч. С. 126.

² О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 562-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

задержанного¹. Например, группа граждан поймала карманника и удерживает его в подъезде до приезда полиции. Каковы пределы этого удержания? Могут ли они применять физическую силу, если задержанный пытается вырваться? Как документально зафиксировать время начала и окончания этого «непроцессуального» задержания для последующего зачета в срок, предусмотренный ст. 92 УПК РФ? Ответы на эти вопросы в законе отсутствуют.

Представляется, что это существенный пробел. Поощряя граждан на содействие правосудию, государство обязано предоставить им четкие правовые ориентиры и гарантии от возможного последующего уголовного преследования за, например, превышение пределов необходимого задержания, если они будут неверно истолкованы. Включение в УПК РФ положений, регламентирующих основы взаимодействия граждан и правоохранительных органов на этапе доставления (по аналогии с опытом Республики Казахстан² или Беларуси³), позволило бы унифицировать практику и обеспечить права всех участников.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

1. Проведенный анализ порядка задержания лица по подозрению в совершении преступления позволяет сделать вывод о наличии серьезных дисбалансов между законодательной моделью и реальной правоприменительной практикой. Основные проблемы связаны с несовершенством законодательной техники, а именно: отсутствием четкого механизма фиксации момента фактического задержания и исчисления сроков на этапе доставления; размытостью границ между административным и

¹ Каршиев М.Р. Процессуальный порядок задержания подозреваемого: правовые аспекты, роль граждан в ходе оказания содействия следователю // Трибуна молодых ученых. материалы Всероссийской научной конференции. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2025. С. 112.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июня 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=2628;-54 (дата обращения: 18.02.2026).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=1403;-51 (дата обращения: 18.02.2026).

уголовно-процессуальным задержанием, а также между действиями полиции и граждан; несоответствием процедуры допроса подозреваемого его реальному правовому статусу, что приводит к тактическим уловкам, нарушающим право на защиту.

2. Решение этих проблем видится в комплексном подходе. Представляется обоснованным предложение ряда ученых о необходимости законодательного разделения фактического и процессуального задержания, возможно, с введением отдельного протокола фактического задержания или обязательной видеофиксации момента захвата для точного определения временных границ. Требуется унификация норм УПК РФ и Федерального закона «О полиции» в части уведомления родственников и обеспечения иных прав задержанного в первые часы после ограничения свободы.

3. Кроме того, назрела необходимость корректировки ст. 92 УПК РФ в части отсылки к процедуре допроса, приблизив ее к гарантиям, предоставляемым обвиняемому, и законодательно закрепив обязанность следователя разъяснить сущность подозрения непосредственно перед началом допроса, а не просто сослаться на протокол задержания. Лишь устранив эти пробелы, можно обеспечить неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан и повысить эффективность уголовного судопроизводства на его начальном этапе.

2.3 Сроки, применяемые при задержании лица по подозрению в совершении преступления

Институт задержания лица по подозрению в совершении преступления сопряжен с существенным ограничением конституционного права гражданина на свободу и личную неприкосновенность. В связи с этим точная регламентация сроков такого ограничения приобретает ключевое значение.

Основополагающая гарантия закреплена в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, согласно которой до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Данное конституционное положение нашло свое развитие в нормах УПК РФ (п. 11 ст. 5).

Ключевым для исчисления срока является понятие «момент фактического задержания». Его легальное определение дано в п. 15 ст. 5 УПК РФ: это «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

Далее, ст. 92 УПК РФ, регламентирующая порядок задержания, устанавливает, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания. В протоколе делается отметка о времени и месте составления, времени и месте фактического задержания, а также об основаниях задержания.

Таким образом, законодатель оперирует четырьмя ключевыми временными параметрами:

- 1) момент фактического задержания (юридический факт, с которого начинается течение срока);
- 2) момент доставления (административное или оперативное действие, предшествующее процессуальному оформлению);
- 3) срок составления протокола (3 часа с момента доставления);

4) общий предельный срок задержания (48 часов с момента фактического задержания).

Кроме того, УПК РФ предусматривает возможность продления срока задержания, но в исключительном и ограниченном случае. Согласно ч. 7 ст. 108 УПК РФ, если суд, рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, примет решение о продлении срока задержания, то такое продление допускается не более чем на 72 часа с момента вынесения судебного решения. Это делается для предоставления одной из сторон возможности представить дополнительные доказательства обоснованности или необоснованности избрания данной меры пресечения. Следовательно, максимально возможный срок нахождения лица под стражей без приговора суда в порядке задержания может составить 120 часов (48 + 72), хотя изначально задумывался как 48-часовой внесудебный лимит¹.

Несмотря на кажущуюся детальную регламентацию, институт сроков задержания порождает множество споров в науке и серьезные проблемы в правоприменительной практике. Основной конфликт, как уже было отмечено в предыдущих параграфах настоящего исследования, разворачивается вокруг определения того, что именно считать тем самым «моментом фактического задержания», с которого начинается отсчет 48 часов.

Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выделить как минимум три основных подхода к исчислению срока задержания, которые одновременно сосуществуют в правоприменении.

Первый подход (формально-процессуальный): срок исчисляется с момента доставления подозреваемого к следователю или в орган дознания, а иногда и с момента составления протокола задержания. Этот подход

¹ Лавдаренко Л.И., Борбат А.В. Исчисление срока задержания: сравнительный анализ УПК РСФСР 1960 г. и действующего УПК РФ // Российский следователь. 2023. № 7. С. 18.

наиболее распространен среди органов предварительного расследования и, как отмечает Д.А. Шайденко, поддерживается многими судами¹.

В качестве примера можно привести позицию суда, изложенную в апелляционном постановлении Липецкого областного суда: «в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен быть составлен в срок не более трех часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Оснований для исчисления указанного срока с момента фактического задержания... не имеется, поскольку в соответствии с уголовно-процессуальным законом срок составления протокола задержания связан со сроком доставления подозреваемого к следователю»².

Логика правоприменителей, придерживающихся этого подхода, понятна и объясняется прагматическими причинами. Как отмечает А.С. Барабаш и И.А. Ретюнских, за 48 часов следователю необходимо выполнить огромный объем работы: подтвердить подозрения, провести следственные действия, предъявить обвинение, подготовить ходатайство о заключении под стражу и за 8 часов до истечения срока представить его в суд. Включать в этот и без того малый срок время на доставление лица из отдаленного района или время на его оперативный захват – значит сделать соблюдение 48-часового лимита физически невозможным³. А.Ю. Коновалов также подчеркивает, что географические условия России делают 48-часовой срок, исчисляемый с момента захвата, объективно непригодным для потребностей практики⁴.

¹ Шайденко Д.А. О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 194.

² Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 6 июля 2023 г. по делу № 3/1-17/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/> (дата обращения: 20.02.2026).

³ Барабаш А.С., Ретюнских И.А. О некоторых проблемах исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 404.

⁴ Коновалов А.Ю. Срок задержания лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, в условиях военного положения // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития:

Второй подход (либеральный, основанный на позиции Конституционного Суда РФ): срок должен исчисляться с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, то есть с момента его физического захвата. Эта позиция базируется на правовой позиции Конституционного Суда РФ, высказанной еще в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П. Суд указал, что право на защиту возникает не с момента формального признания лица подозреваемым, а с момента, когда реально ограничиваются его свобода и личная неприкосновенность, включая принудительное доставление в органы власти¹.

Сторона защиты в своих жалобах часто апеллирует именно к этому подходу. Примером может служить ситуация, где защитник обжаловал постановление судьи Нижнедевицкого районного суда Воронежской области, указывая, что в протоколе задержания указано время доставления к следователю, а не время фактического лишения свободы на улице². В другом деле адвокаты К. и П. обжаловали задержание своего подзащитного С., утверждая, что фактически он был задержан сотрудниками ФСБ 29 апреля в вечернее время, однако протокол был составлен лишь на следующий день после доставления к следователю³. В обоих случаях суды первой инстанции встали на сторону обвинения.

Однако, как показывает анализ апелляционной практики, вышестоящие суды иногда корректируют эту позицию. Так, в апелляционном постановлении по делу, рассмотренному в сентябре 2019 г., суд изменил решение нижестоящей инстанции, указав: «Согласно представленным

материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 488.

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 10 июля 2019 г. по делу № 22К-1655/2019 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IEwvfQEIMFmX/> (дата обращения: 20.02.2026).

³ Апелляционное постановление Калининградского областного суда от 20 мая 2020 г. по делу № 22-165/2020 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I74oxAzsnSbh/> (дата обращения: 20.02.2026).

материалам ФИО... фактически был задержан 16 сентября 2019 г. около 15 часов 10 минут... и только 17 сентября 2019 г., в 4 часа 15 минут был составлен протокол его задержания... Никаких данных, свидетельствующих об освобождении ФИО... когда он мог свободно передвигаться, не имеется... срок содержания под стражей ФИО должен исчисляться с момента его фактического задержания»¹.

Третий подход (отраслевой): время до доставления к следователю (захват, доставление в отдел полиции) регулируется не УПК РФ, а нормами административного или полицейского права. Как указывает О.В. Карпова, ссылаясь на ст. 14 Федерального закона «О полиции», полиция имеет право задержать лицо на срок до 48 часов, и этот срок исчисляется с момента фактического ограничения свободы. Однако при передаче лица следователю для уголовно-процессуального задержания возникает вопрос о зачете этого времени. Административное законодательство (ст. 27.5 КоАП РФ) разделяет срок доставления и срок задержания, причем время доставления в срок задержания не входит². Отдельные исследователи критикуют эту позицию, так как лицо и во время доставления ограничено в свободе³. Решения по искам о компенсации морального вреда, как отмечает Д.А. Шайденко, удовлетворяются зачастую не из-за незаконности самого задержания, а из-за ненадлежащих условий содержания в этот «предпроцессуальный» период (отсутствие мест для отдыха, постельных принадлежностей и т.д.)⁴.

Еще одной проблемой правоприменения является ситуация, когда 48-часовой срок задержания истекает во время рассмотрения судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

¹ Апелляционное постановление Псковского областного суда от 28 декабря 2021 г. по делу № 22к-854/2021 // ИК «Кодекс». URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727885651> (дата обращения: 07.02.2026).

² Карпова О.В. Срок задержания в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 3 (56). С. 46.

³ Заливин А.Н. Значение соблюдения срока проверки сообщения о преступлении, задержания, предварительного расследования в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства // Закон и власть. 2025. № 10. С. 102.

⁴ Шайденко Д.А. Указ. соч. С. 195.

Закон (ч. 3 ст. 108 УПК РФ) требует, чтобы ходатайство было представлено в суд не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания. Однако на практике нередки случаи, когда судебное заседание начинается до истечения срока, а решение выносится уже после.

Анализ судебной практики показывает, что суды в этом случае исходят из того, что ключевым является момент начала судебного разбирательства. В одном из дел суд указал: «Вопреки доводам жалобы, как видно из протокола судебного заседания, к началу судебного разбирательства по ходатайству следователя, а именно в 16 часов 47 минут, срок задержания подозреваемого... не истек»¹. Более того, встречаются решения, где суд прямо констатирует: «Истечение срока задержания... к моменту принятия судьей решения... не является препятствием для избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу»². Такая практика, хотя и является устоявшейся, *de facto* нивелирует гарантию освобождения лица по истечении 48 часов, предписанную ч. 2 ст. 94 УПК РФ.

Значительная часть проблем проистекает из неопределенности правовой природы «фактического задержания». Является ли оно частью уголовного процесса или находится за его пределами?

А.С. Барабаш и И.А. Ретюнских аргументированно доказывают, что физический захват лица на улице сотрудниками патрульно-постовой службы, участковыми или даже гражданами не может считаться уголовно-процессуальным действием, поскольку эти субъекты не уполномочены принимать процессуальные решения. Это деятельность скорее административная или оперативно-розыскная. Уголовно-процессуальные

¹ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 26 октября 2023 г. по делу № 22К-5932/2023 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WdJhMPm4Y8xj/> (дата обращения: 20.02.2026).

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 декабря 2023 г. по делу № 10-26446/2023 // ИК «Кодекс». URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304539207> (дата обращения: 20.02.2026).

отношения возникают позже – с момента возбуждения уголовного дела и доставления лица к лицу, производящему расследование¹.

Отдельного внимания заслуживает проблема сроков задержания в условиях специальных правовых режимов, таких как чрезвычайное или военное положение. Изменения, внесенные Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ, установили, что в условиях военного положения подозреваемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления может быть задержан на срок до 30 суток².

Это положение вызывает острую дискуссию о его соответствии Конституции РФ. А.Ю. Коновалов, однако, считает эту меру оправданной, моделируя ситуацию, когда расследование в условиях боевых действий или окружения города объективно не может быть проведено за 48 или даже 120 часов. В данном случае, по его мнению, срабатывает механизм ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающий ограничение прав в целях обороны страны и безопасности государства³.

Еще более радикальные сроки предусмотрены для режима чрезвычайного положения. Пункт «ж» ст. 12 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»⁴ позволяет продлевать срок содержания под стражей (или задержания) лиц, подозреваемых в терроризме, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на 3 месяца. Это полностью нивелирует конституционный 48-часовой лимит, и, как замечает автор, аргумент

¹ Барабаш А.С., Ретюнских И.А. Указ. соч. С. 406.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Коновалов А.Ю. Указ. соч. С. 489.

⁴ О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. Федерального конституционного закона от 2 ноября 2023 г. № 8-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конституционного Суда РФ о «меньшей репрессивности»¹ задержания по сравнению с арестом здесь уже не работает.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

1. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии системного противоречия между конституционно-правовой идеологией исчисления срока задержания с момента фактического ограничения свободы и реальными потребностями и возможностями правоприменительной системы России.

2. Основные проблемы правоприменения можно резюмировать следующим образом:

1) неоднозначность момента начала срока. Сосуществование в судебной практике трех подходов (с момента захвата, доставления или составления протокола) нарушает принцип правовой определенности и равенства граждан перед законом;

2) объективная недостаточность 48-часового срока. Срок, установленный Конституцией РФ, часто физически не позволяет органам расследования выполнить все необходимые действия, особенно с учетом времени на доставление лица, что провоцирует «серые» схемы исчисления срока с момента доставления, а не захвата;

3) пробел в регулировании «предпроцессуального» этапа. Период от захвата лица на месте преступления до его доставления к следователю находится на стыке административного, оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права и недостаточно урегулирован, что ущемляет права задержанных;

4) проблема истечения срока в суде. Сложившаяся практика, позволяющая выносить решение о задержании за пределами 48-часового

¹ По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

срока, если заседание началось вовремя, девальвирует гарантию немедленного освобождения;

5) введение 30-суточного срока задержания в условиях военного положения и возможность многомесячного задержания при чрезвычайном положении ставят вопрос о пределах конституционных прав и балансе между безопасностью и свободой в условиях кризиса.

3. Решение этих проблем видится в поиске разумного баланса между необходимостью предоставить органам расследования достаточное время для сбора доказательств и неукоснительным соблюдением конституционных прав граждан на свободу. В качестве возможного пути решения проблем предлагается определить момент начала исчисления срока задержания. Наиболее прагматичным видится вариант законодательного закрепления исчисления срока с момента доставления к следователю или составления протокола, с одновременным обязательным зачетом всего времени предшествующего фактического ограничения свободы (захвата и доставления) в срок содержания под стражей или наказания. Такой подход позволит сохранить для следствия необходимый 48-часовой ресурс и одновременно обеспечить справедливый учет времени реального лишения свободы в интересах подозреваемого.

2.4 Проблемы и вопросы применения сотрудниками органов внутренних дел задержания подозреваемого

Анализ современной научной доктрины и правоприменительной практики свидетельствует о наличии целого комплекса системных проблем, связанных с реализацией сотрудниками органов внутренних дел такой меры процессуального принуждения, как задержание подозреваемого. Несмотря на детальную регламентацию института задержания в главе 12 УПК РФ, правоприменение сталкивается с серьезными коллизиями, пробелами и

неопределенностями, которые не только снижают эффективность предварительного расследования, но и влекут за собой существенное нарушение конституционных прав и свобод граждан¹.

В предыдущих параграфах настоящего исследования уже были рассмотрены отдельные проблемы задержания подозреваемого. Однако изучение научной литературы и правоприменительной практики позволяет выделить и иные проблемы, которые можно систематизировать по нескольким ключевым направлениям.

1. Проблема несовершенства законодательной терминологии и определения статуса задерживаемого лица

Одной из фундаментальных проблем, пронизывающих всю правоприменительную практику, является некорректность законодательной формулировки самого института, закрепленного в названии главы 12 УПК РФ – «Задержание подозреваемого». Как справедливо отмечает В.В. Адамович, возникает логическое противоречие. В соответствии со ст. 46 УПК РФ, лицо становится подозреваемым, в том числе, в результате его задержания в порядке ст. 91-92 УПК РФ. Иными словами, процессуальный статус «подозреваемого» возникает по факту и в результате применения меры принуждения, а не предшествует ей².

Таким образом, требование закона о задержании «подозреваемого» является некорректным, поскольку в момент фактического захвата и доставления лицо таковым еще не является – оно является «заподозренным» или лицом, подозреваемым в совершении преступления. Данное обстоятельство

¹ Давлетов А.А. Проблема нормативного урегулирования задержания лица по подозрению в совершении преступления остается нерешенной // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова. Омск: Омская академия МВД России, 2024. С. 130.

² Адамович В.В. Институт задержания подозреваемого: проблемы правоприменения, потребности практики и новые видения теории // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей». СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 760.

создает неопределенность в правовом положении лица на самом раннем и наиболее остроконфликтном этапе – от момента захвата до составления протокола. Сотрудник ОВД, осуществляя физическое задержание, де-юре вступает во взаимодействие с лицом, чей процессуальный статус еще не определен, что порождает споры о допустимости тех или иных действий (личный досмотр, изъятие предметов) и разъяснении прав. Существующая формулировка противоречит внутренней логике уголовного процесса. Для устранения данной коллизии и придания большей юридической определенности действиям сотрудников ОВД на начальном этапе, представляется обоснованным предложение В.В. Адамовича об изменении названия и содержания главы 12 УПК РФ на «Задержание лица по подозрению в совершении преступления»¹. Такая формулировка является универсальной, не требует предварительного наличия процессуального статуса и позволяет применять меру принуждения к любому лицу при наличии достаточных данных о его причастности к преступлению.

2. Проблемы, связанные с уведомлением родственников и обеспечением права на телефонный разговор

Институт уведомления близких родственников о задержании, закрепленный в ст. 96 УПК РФ, призван реализовывать принцип гуманизма и предотвращать случаи исчезновения людей. Однако, как показывает анализ, проведенный И.А. Кулаковой, его реализация сопряжена с серьезными трудностями².

Во-первых, условия осуществления телефонного разговора (на русском языке и в присутствии следователя/дознателя) вступают в противоречие с конституционными правами граждан. Требование вести разговор только на русском языке нарушает право на использование родного языка (ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 26 Конституции РФ), а присутствие должностного лица нивелирует право на тайну телефонных переговоров (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ). Хотя эти условия

¹ Адамович В.В. Указ. соч. С. 763.

² Кулакова И.А. Проблемы, связанные с уведомлением близких родственников о задержании подозреваемого // Modern Science. 2024. № 4-1. С. 41.

можно оправдать необходимостью предотвратить злоупотребления (например, договоренность об уничтожении доказательств), они создают конфликт норм.

Во-вторых, предоставленный законом срок для звонка (не позднее 3 часов с момента доставления) практически совпадает со сроком составления протокола задержания. Это ставит следователя (дознателя) перед дилеммой: составлять протокол или обеспечивать право на звонок. Ситуация усугубляется, если задержанный не владеет русским языком, так как в трехчасовой срок необходимо уложиться с вызовом переводчика, что зачастую невозможно.

В-третьих, ч. 4 ст. 96 УПК РФ предоставляет следователю право не уведомлять родственников для сохранения в тайне факта задержания в интересах следствия. Данная норма, по мнению О.Л. Васильева, не только нарушает права подозреваемого, но и имеет криминогенный характер. Соккрытие информации о задержании создает благоприятную почву для телефонного мошенничества, когда злоумышленники, пользуясь отсутствием официальной информации, сообщают родственникам ложные сведения о задержании и требуют выкуп¹.

Анализ судебной практики (например, дело, рассмотренное Приморским краевым судом²) показывает, что суды зачастую формально подходят к оценке нарушений ст. 96 УПК РФ, отказывая в удовлетворении жалоб задержанных, что свидетельствует о системном характере проблемы и недостаточном уровне судебной защиты.

Таким образом, порядок уведомления родственников, предусмотренный ст. 96 УПК РФ, содержит внутренние противоречия и пробелы. Срок в 3 часа для обеспечения звонка, совпадающий со сроком составления протокола, является нереалистичным. Право следователя на не уведомление должно быть ограничено более жесткими рамками и исключено для социально уязвимых категорий. Необходимо законодательно закрепить обязанность уполномоченного лица разъяснять право на звонок немедленно при

¹ Васильев О.Л. Институт задержания: проблемы толкования норм УПК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 32.

² Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 22 апреля 2021 г. по делу № 3/10-1/21 // СудАкт. URL: sudact.ru/regular/doc/F3GPAO3NQR1J/ (дата обращения: 20.02.2026).

фактическом задержании (доставлении), а также усилить прокурорский надзор и судебный контроль за исполнением данной нормы.

3. Проблема разъяснения прав и обеспечения защитником на этапе фактического задержания

Л.С. Золочевская акцентирует внимание на неопределенности в вопросе о том, на ком лежит обязанность по разъяснению прав задержанному. Следователь, как правило, появляется в деле позже, после доставления лица в орган внутренних дел. Фактическое же задержание и доставление осуществляют сотрудники патрульно-постовой службы, уголовного розыска или иные лица, чьи действия регламентируются не УПК РФ, а Федеральным законом «О полиции». Возникает ситуация, когда права должны разъясняться дважды (сотрудниками полиции при захвате и следователем при составлении протокола), что порождает путаницу и риск того, что на самом важном первоначальном этапе лицо останется без четкого понимания своих прав¹.

Не менее остро стоит проблема обеспечения защитником. Закон (п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 2 ч. 3 ст. 49 УПК РФ) гарантирует право на защитника с момента фактического задержания. Однако на практике это труднореализуемо. Адвокат физически не может присутствовать в момент захвата. Более того, если адвокат становится очевидцем задержания, он может быть допрошен в качестве свидетеля, что исключает его дальнейшее участие в деле в качестве защитника. Таким образом, провозглашенное право на защиту с момента фактического задержания в значительной степени декларативно и не обеспечено реальным механизмом реализации.

Таким образом, правовое регулирование этапа от момента фактического задержания до передачи дела следователю (дознавателю) является «серой зоной». Необходимо законодательно урегулировать обязанности сотрудников, осуществляющих задержание и доставление, по разъяснению минимального набора прав (право хранить молчание, право на адвоката). Также требуется

¹ Золочевская Л.С. Некоторые гарантии прав подозреваемого и проблемы их обеспечения при задержании лица по подозрению в совершении преступления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102). С. 206.

проработка механизма оперативного обеспечения защитником, возможно, путем развития института дежурных адвокатов, что соответствует правовым позициям Конституционного Суда РФ.

4. Процессуальные и тактические проблемы, возникающие при задержании обвиняемого

Отдельный блок проблем связан с задержанием обвиняемого. УПК РФ (ч. 3 ст. 210) фактически приравнивает задержание обвиняемого к задержанию подозреваемого, отсылая к нормам главы 12. Однако, как справедливо отмечает П.В. Вдовцев, такой подход не учитывает специфику статуса обвиняемого¹.

Задержание обвиняемого, особенно находящегося в розыске, имеет иную природу. Его основанием служит не необходимость пресечения преступной деятельности или установления личности (как у подозреваемого), а потребность в обеспечении исполнения приговора или решения суда о заключении под стражу, вынесенного заочно. В такой ситуации основания, предусмотренные ст. 91 УПК РФ, не должны применяться.

Наиболее остро противоречия проявляются в вопросе о допросе задержанного обвиняемого. Возникает коллизия между ч. 4 ст. 92 УПК РФ (обязывающей допросить задержанное лицо в течение 24 часов как подозреваемого) и правами обвиняемого, предусмотренными п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (право на свидания с защитником без ограничения их числа и продолжительности). По нашему мнению, необходимо разграничивать цели допроса: первый допрос (после задержания) – это возможность для лица дать объяснения по факту самого задержания; второй (в статусе обвиняемого) – дача показаний по существу предъявленного обвинения. Смещение этих двух допросов воедино, как это происходит сейчас, нарушает право на защиту, особенно если обвиняемому ранее не было предъявлено обвинение.

Таким образом, применение норм о задержании подозреваемого к задержанию обвиняемого является некорректным и порождает процессуальные ошибки. Необходимо законодательное закрепление самостоятельного института

¹ Вдовцев П.В. Некоторые проблемы задержания обвиняемого // Человек. Социум. Общество. 2024. № 3. С. 225.

задержания обвиняемого, где будут четко определены его основания (вступление в силу решения суда о заочном задержании, нарушение условий меры пресечения) и особый порядок допроса. Такой допрос должен проводиться в два этапа: сначала как лица, подвергнутого задержанию, а затем – как обвиняемого, с обязательным соблюдением всех гарантий, включая неограниченное право на свидание с защитником.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

1. Проведенный анализ позволяет констатировать наличие глубоких и системных проблем в правовом регулировании и правоприменительной практике задержания подозреваемого сотрудниками органов внутренних дел. Эти проблемы охватывают как базовые понятия института, так и конкретные процедурные аспекты: от несовершенства терминологии до нарушения конституционных прав граждан на тайну переписки и квалифицированную юридическую помощь.

2. Игнорирование выявленных противоречий ведет к тому, что определенная доля задержаний признается незаконной вышестоящими инстанциями, доказательства, полученные с нарушением процедуры, исключаются из процесса доказывания, а доверие граждан к правоохранительной системе подрывается. Решение обозначенных проблем требует не косметических правок, а комплексного реформирования института задержания, включающего как изменение уголовно-процессуального законодательства (уточнение оснований, разграничение статусов подозреваемого и обвиняемого, пересмотр процедуры уведомления), так и совершенствование правоприменительной практики (усиление прокурорского надзора, внедрение технических средств фиксации, повышение квалификации сотрудников). Только такой подход способен обеспечить баланс между публичными интересами расследования и фундаментальным правом личности на свободу и неприкосновенность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенной работы можно сформулировать следующие основные выводы:

1. Рассмотрев становление задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения в историческом аспекте, можно сделать вывод, что основы данного правового института были заложены в 1864 г. и связаны с принятием Устава уголовного судопроизводства. В период советского государства с 1917 по 1922 гг. развитие института мер принуждения заметно остановилось, и началось с новой силой только с принятием УПК РСФСР в 1923 г., где законодатель впервые определил статус подозреваемого, в последующем дополненный и детализированный в 1960 г.

Сегодня задержание подозреваемого как мера процессуального принуждения, по сравнению с предшествующим уголовно-процессуальным законодательством, претерпело значительные изменения, связанные с развитием принципа состязательности уголовного судопроизводства и наделением подозреваемого (обвиняемого) широким набором прав.

2. Меры уголовно-процессуального принуждения представляют собой применяемые в рамках уголовного дела уголовно-процессуальные средства превентивного и пресекающего характера, состоящие в соразмерном ограничении прав и свобод определенных участников уголовного процесса в целях обеспечения нормального судопроизводства по уголовному делу.

К числу признаков мер процессуального принуждения следует отнести следующее: применяются уполномоченными должностными лицами; применяются в отношении определенного круга участников; в своем содержании представляют собой ограничения конституционных прав и свобод; порядок их применения строго регламентирован законом; осуществляются в строго определенных целях. К числу задач, стоящих перед мерами уголовно-процессуального принуждения, следует отнести

следующее: обеспечивают нормальный ход уголовного судопроизводства; способствуют полному и всестороннему расследованию уголовного дела; обеспечивают исполнение процессуальных обязанностей участниками процесса и пресекают их нарушения.

3. Задержание подозреваемого представляет собой уникальную по своей правовой природе меру процессуального принуждения. Его сущность определяется временным, неотложным и проверочным характером. Оно служит правовым механизмом перевода лица из состояния фактической подозреваемости в четкий процессуальный статус, обеспечивая при этом возможность для государства проверить обоснованность подозрений и решить вопрос о необходимости более строгой меры пресечения.

По нашему мнению, задержание представляет собой меру процессуального принуждения, имеющую статус процессуального действия, содержание которой состоит в фиксации временного ограничения свободы причастного к совершению преступления лица для достижения цели, состоящей в обеспечении нормального производства по уголовному делу. Кроме этого, решение о задержании означает появление в уголовном деле процессуальной фигуры подозреваемого ввиду формулирования от имени государства официального подозрения.

4. По своему месту задержание находится на стыке трех блоков государственного принуждения: оперативно-розыскного (как точка перехода от негласной деятельности к публичному процессу); административного (через институт доставления и административного задержания); уголовно-процессуального (как первоначальная, неотложная мера процессуального принуждения, создающая условия для применения иных мер).

Уголовно-процессуальное задержание – это не просто одно из многих принудительных средств, а базовая, стартовая мера в цепи ограничений прав личности в уголовном процессе. Его значение определяется тем, что именно на этом этапе закладываются основы для всего дальнейшего производства по делу, и именно здесь наиболее остро проявляется конфликт между

публичным интересом в эффективном расследовании и неприкосновенностью частной жизни. От того, насколько точно определено и соблюдается законное место задержания в системе принуждения, зависит не только эффективность борьбы с преступностью, но и уровень реальной защиты прав человека в правовом государстве.

5. Анализ оснований задержания подозреваемого свидетельствует о наличии серьезных противоречий в их правовом регулировании. Существующие в ст. 91 УПК РФ формулировки, будучи исторически апробированными для полицейской деятельности, плохо гармонируют с целями уголовно-процессуального принуждения. Отсутствие четкого законодательного требования о необходимости установления связи между основаниями и целями задержания (предотвращение уклонения от следствия, продолжения преступной деятельности и т.д.) приводит к необоснованному ограничению прав граждан.

Представляется, что решение выявленных проблем видится либо в кардинальном пересмотре структуры главы 12 УПК РФ с целью установления прямой корреляции между основаниями и целями задержания, либо в выведении института задержания из предмета уголовно-процессуального регулирования и регламентации его отдельным законодательным актом, четко разграничивающим полицейские полномочия по захвату и процессуальную деятельность по избранию мер пресечения.

6. Представляется обоснованным предложение ряда ученых о необходимости законодательного разделения фактического и процессуального задержания, возможно, с введением отдельного протокола фактического задержания или обязательной видеофиксации момента захвата для точного определения временных границ. Требуется унификация норм УПК РФ и Федерального закона «О полиции» в части уведомления родственников и обеспечения иных прав задержанного в первые часы после ограничения свободы.

Кроме того, назрела необходимость корректировки ст. 92 УПК РФ в части отсылки к процедуре допроса, приблизив ее к гарантиям, предоставляемым обвиняемому, и законодательно закрепив обязанность следователя разъяснить сущность подозрения непосредственно перед началом допроса, а не просто сослаться на протокол задержания. Лишь устранив эти пробелы, можно обеспечить неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан и повысить эффективность уголовного судопроизводства на его начальном этапе.

7. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии системного противоречия между конституционно-правовой идеологией исчисления срока задержания с момента фактического ограничения свободы и реальными потребностями и возможностями правоприменительной системы России.

Основные проблемы правоприменения можно резюмировать следующим образом:

1) неоднозначность момента начала срока. Сосуществование в судебной практике трех подходов (с момента захвата, доставления или составления протокола) нарушает принцип правовой определенности и равенства граждан перед законом;

2) объективная недостаточность 48-часового срока. Срок, установленный Конституцией РФ, часто физически не позволяет органам расследования выполнить все необходимые действия, особенно с учетом времени на доставление лица, что провоцирует «серые» схемы исчисления срока с момента доставления, а не захвата;

3) пробел в регулировании «предпроцессуального» этапа. Период от захвата лица на месте преступления до его доставления к следователю находится на стыке административного, оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права и недостаточно урегулирован, что ущемляет права задержанных;

4) проблема истечения срока в суде. Сложившаяся практика, позволяющая выносить решение о задержании за пределами 48-часового срока, если заседание началось вовремя, девальвирует гарантию немедленного освобождения;

5) введение 30-суточного срока задержания в условиях военного положения и возможность многомесячного задержания при чрезвычайном положении ставят вопрос о пределах конституционных прав и балансе между безопасностью и свободой в условиях кризиса.

В качестве возможного пути решения проблем предлагается определить момент начала исчисления срока задержания. Наиболее прагматичным видится вариант законодательного закрепления исчисления срока с момента доставления к следователю или составления протокола, с одновременным обязательным зачетом всего времени предшествующего фактического ограничения свободы (захвата и доставления) в срок содержания под стражей или наказания. Такой подход позволит сохранить для следствия необходимый 48-часовой ресурс и одновременно обеспечить справедливый учет времени реального лишения свободы в интересах подозреваемого.

8. Игнорирование выявленных противоречий ведет к тому, что определенная доля задержаний признается незаконной вышестоящими инстанциями, доказательства, полученные с нарушением процедуры, исключаются из процесса доказывания, а доверие граждан к правоохранительной системе подрывается. Решение обозначенных проблем требует не косметических правок, а комплексного реформирования института задержания, включающего как изменение уголовно-процессуального законодательства (уточнение оснований, разграничение статусов подозреваемого и обвиняемого, пересмотр процедуры уведомления), так и совершенствование правоприменительной практики (усиление прокурорского надзора, внедрение технических средств фиксации, повышение квалификации сотрудников). Только такой подход способен

обеспечить баланс между публичными интересами расследования и фундаментальным правом личности на свободу и неприкосновенность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237.

2. О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. Федерального конституционного закона от 2 ноября 2023 г. № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 534-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 562-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 326-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

7. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. Федерального закона от 15 декабря 2025 г. № 486-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 31 (часть III). – Ст. 5769.

Монографии, учебники, учебные пособия:

9. Амплеева Т.Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX-XX вв.) / Т.Ю. Амплеева. – Кн. 2. – М.: Юрист, 2009. – 320 с.

10. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве / Б.Б. Булатов. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 280 с.

11. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания / И.М. Гуткин. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 110 с.

12. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России / И.Л. Петрухин. – Ч. I. – М.: Проспект, 2004. – 210 с.

Научные публикации и статьи в иных периодических изданиях:

13. Адамович В.В. Институт задержания подозреваемого: проблемы правоприменения, потребности практики и новые видения теории / В.В. Адамович // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XVII международной научной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 759-764.

14. Азаренок Н.В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов / Н.В. Азаренок // Российский следователь. – 2023. – № 6. – С. 6-11.

15. Амичба Л.Р. Задержание как одно из действий органов предварительного расследования в уголовном процессе / Л.Р. Амичба, Г.С. Блинов, К.А. Гаджиев // Моя профессиональная карьера. – 2025. – № 72. – С. 269-274.

16. Ахмедов М.Д. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: проблемы правоприменения / М.Д. Ахмедов // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 7. – С. 133-139.

17. Бадмаева Т.Н. Основания и условия применения меры пресечения в виде заключения под стражу / Т.Н. Бадмаева, С.Б. Церенкеев, А.Ю. Мещанов и др. // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 8 (212). – С. 160-163.

18. Барабаш А.С. О некоторых проблемах исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления / А.С. Барабаш, И.А. Ретюнских // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12 (228). – С. 404-406.

19. Бойков А.Д. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех? / А.Д. Бойков // Российский судья. – 2002. – № 9. – С. 4-9.

20. Васильев О.Л. Институт задержания: проблемы толкования норм УПК России / О.Л. Васильев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 3. – С. 30-36.

21. Вдовцев П.В. Некоторые проблемы задержания обвиняемого / П.В. Вдовцев // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 3. – С. 224-227.

22. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения / С.И. Вершинина // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 87-95.

23. Волчецкая Т.С. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? / Т.С. Волчецкая, И.В. Петров // Современное право. – 2011. – № 12. – С. 88-91.

24. Гаджиев И.А. Проблемы нормативного регулирования подозрения / И.А. Гаджиев // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 3. – С. 67-70.

25. Гараева Т.Б. Административное и уголовно-процессуальное задержание: правовой анализ принудительных мер / Т.Б. Гараева // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 415-417.

26. Горохова Т.С. История развития законодательства о применении иных мер процессуального принуждения в России / Т.С. Горохова // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам СССXXIX международной научно-практической конференции. – М., 2023. – С. 103-108.

27. Давлетов А.А. Проблема нормативного урегулирования задержания лица по подозрению в совершении преступления остается нерешенной / А.А. Давлетов // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: материалы международной научно-практической конференции. – Омск: Омская академия МВД России, 2024. – С. 129-133.

28. Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2004. – № 4. – С. 27-35.

29. Заливин А.Н. Значение соблюдения срока проверки сообщения о преступлении, задержания, предварительного расследования в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства / А.Н. Заливин // Закон и власть. – 2025. – № 10. – С. 100-105.

30. Золочевская Л.С. Некоторые гарантии прав подозреваемого и проблемы их обеспечения при задержании лица по подозрению в совершении преступления / Л.С. Золочевская // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 1 (102). – С. 205-210.

31. Иванов В.И. Меры принуждения в уголовном процессе: системно-правовой анализ / В.И. Иванов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 3 (57). – С. 57-64.

32. Карпова О.В. Срок задержания в уголовном судопроизводстве / О.В. Карпова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (56). – С. 44-51.

33. Каршиев М.Р. Процессуальный порядок задержания подозреваемого: правовые аспекты, роль граждан в ходе оказания содействия следователю / М.Р. Каршиев // Трибуна молодых ученых: материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2025. – С. 111-115.

34. Климов А.И. История становления института мер принуждения в российском уголовном судопроизводстве / А.И. Климов // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2022. – С. 489-494.

35. Коврижкина А.А. Основания и виды задержания подозреваемых в совершении преступлений / А.А. Коврижкина // Флагман науки. – 2024. – № 4 (15). – С. 458-461.

36. Колосков А.М. Понятие и виды мер государственного принуждения: сравнительный анализ концепций дореволюционного и современного периодов / А.М. Колосков, О.Р. Шихнабиева // *Ius Publicum et Privatum*. – 2021. – № 1 (11). – С. 12-19.

37. Комарова К.С. Защита от незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / К.С. Комарова. – Краснодар, 2009. – 230 с.

38. Коновалов А.Ю. Срок задержания лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, в условиях военного положения / А.Ю. Коновалов // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 487-491.

39. Короленко И.И. История развития уголовно-процессуальных мер принуждения / И.И. Короленко, А.П. Пунтус // Проблемы конституционно-правового развития России: сборник научных статей по материалам

Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 126-130.

40. Кривощёков Н.В. Институт мер уголовно-процессуального принуждения: история становления и тенденции развития / Н.В. Кривощёков // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 3-й международной конференции / под общ. ред. А.Ю. Терехова. – Уфа, 2022. – С. 151-156.

41. Кулакова И.А. Проблемы, связанные с уведомлением близких родственников о задержании подозреваемого / И.А. Кулакова // Modern Science. – 2024. – № 4-1. – С. 40-44.

42. Лавдаренко Л.И. Исчисление срока задержания: сравнительный анализ УПК РСФСР 1960 г. и действующего УПК РФ / Л.И. Лавдаренко, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2023. – № 7. – С. 17-21.

43. Лесников Г.Ю. Преступление как основание правомерного причинения вреда при осуществлении уголовно-правового задержания / Г.Ю. Лесников, И.С. Сторожихин // Научные труды. Российская академия юридических наук. – М.: Юрист, 2025. – С. 659-664.

44. Мазюк Р.В. Задержание подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве (конспект лекции по уголовному процессу) / Р.В. Мазюк // Академический юридический журнал. – 2025. – № 4 (102). – С. 764-772.

45. Перцев Д.В. Недостатки уголовно-правовой регламентации задержания лица, совершившего преступление, и ответственности за заведомо незаконное задержание / Д.В. Перцев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (56). – С. 21-25.

46. Ретюнских И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / И.А. Ретюнских // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 17-20.

47. Романенко Н.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в отношении судей: проблемные вопросы законодательного регулирования / Н.В. Романенко // Мировой судья. – 2017. – № 11. – С. 23-28.

48. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 15-19.

49. Россинский С.Б. О «высоком» правовом значении допроса подозреваемого (при его задержании в порядке гл. 12 УПК РФ) / С.Б. Россинский // Правовая парадигма. – 2018. – № 4. – С. 123-129.

50. Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого / С.Б. Россинский // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (73). – С. 174-180.

51. Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? / С.Б. Россинский // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (52). – С. 7-13.

52. Россинский С.Б. Фактическое задержание подозреваемого в совершении преступления и его доставление в органы предварительного расследования: есть ли основания для включения в сферу уголовно-процессуального регулирования? / С.Б. Россинский // Юридическое образование и наука. – 2024. – № 5. – С. 25-29.

53. Сайфутдинова А.Д. К вопросу о правовых основах задержания как меры государственного принуждения, применяемого сотрудниками правоохранительных органов / А.Д. Сайфутдинова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (57). – С. 33-39.

54. Смолькова И.В. Понятие и сущность подозрения в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 170-177.

55. Сопнева Е.В. Соотношение задержания и подозрения в законе: современный и исторический взгляды / Е.В. Сопнева // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 95-101.

56. Степанова А.И. Меры уголовно-процессуального принуждения: понятие, значение, виды / А.И. Степанова // Лучшая студенческая статья 2021: сборник статей XL Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза, 2021. – С. 183-187.

57. Титов П.М. Особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения по делам частного обвинения / П.М. Титов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (37). – С. 30-34.

58. Фатхуллин Р.Р. История развития института мер государственного принуждения в российском уголовном судопроизводстве / Р.Р. Фатхуллин // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2021. – № 17. – С. 217-223.

59. Шайденко Д.А. Генезис оснований задержания подозреваемого в российском уголовном процессе / Д.А. Шайденко // Законодательство и практика. – 2024. – № 1 (52). – С. 47-52.

60. Шайденко Д.А. О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого / Д.А. Шайденко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1 (105). – С. 192-199.

61. Шайденко Д.А. О сущности и правовой природе задержания подозреваемого / Д.А. Шайденко // Преемственность и новации в юридической науке: материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. – Омск, 2025. – С. 144-147.

62. Ярцев Р.В. Общая характеристика мер процессуального принуждения в уголовном процессе / Р.В. Ярцев, А.В. Ситник // Законность и правопорядок. – 2022. – № 3 (35). – С. 42-46.

Интернет-ресурсы:

63. Соборное уложение 1649 г. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoe_ulozgenie1649 (дата обращения: 25.11.2025).

64. Устав уголовного судопроизводства: принят 20 ноября 1864 г. / Классика Российского Права. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/> (дата обращения: 25.11.2025).

65. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 18.02.2026).

66. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июня 2014 г. № 231-V. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 18.02.2026).

Эмпирические материалы:

67. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27. – Ст. 2882.

68. По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 14. – Ст. 2011.

69. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

70. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 10 июля 2019 г. по делу № 22К-1655/2019 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lEwvfQEIMFmX/> (дата обращения: 20.02.2026).

71. Апелляционное постановление Калининградского областного суда от 20 мая 2020 г. по делу № 22-165/2020 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I74oxAzsnSbh/> (дата обращения: 20.02.2026).

72. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 6 июля 2023 г. по делу № 3/1-17/2023 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/> (дата обращения: 20.02.2026).

73. Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 декабря 2023 г. по делу № 10-26446/2023 // ИК «Кодекс». – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304539207> (дата обращения: 20.02.2026).

74. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 22 апреля 2021 г. по делу № 3/10-1/21 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/F3GPAO3NQR1J/> (дата обращения: 20.02.2026).

75. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 26 октября 2023 г. по делу № 22К-5932/2023 // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WdJhMPm4Y8xj/> (дата обращения: 20.02.2026).

76. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 28 декабря 2021 г. по делу № 22к-854/2021 // ИК «Кодекс». – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727885651> (дата обращения: 07.02.2026).

77. Уголовное дело 1-160/2022 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.

78. Уголовное дело 1-195/2023 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.

79. Уголовное дело 1-25/2024 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.

80. Уголовное дело 1-220/2024 // Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края.